

Бог и государство

Михаил Бакунин

1882-1895

Оглавление

Читатель найдет более полное изложение этих трех принципов в Приложении в конце-этой книги под заглавием: Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке. 9

Я называю ее безнравственной (*inique*), ибо, как мне думается, я доказал в упомянутом уже Приложении, что эта тайна была и продолжает еще быть освящением всех ужасов, совершенных и совершаемых в человеческом мире. И я называю ее единственной (*unique*), ибо все другие богословские и метафизические нелепости, отупляющие человеческий ум, суть лишь ее неизбежные последствия. 12

Г-н Стюарт Милль, быть может, единственный из их числа, в серьезности идеализма которого можно усомниться по двум причинам: во-первых, он если не безусловный ученик, то страстный поклонник, приверженец позитивной философии Огюста Конта, — философии, которая, несмотря на многочисленные умышленные недоговоренности, действительно атеистична; во-вторых, Стюарт Милль — англичанин, а в Англии заявить себя атеистом значило бы еще и поныне поставить себя вне общества. 15

Шесть или семь лет назад в Лондоне я слышал, как г-н Луи Блан высказывал приблизительно такую же мысль. «Лучшая форма правления, — сказал он мне, — была бы такая, которая всегда апеллировала бы к делам добродетельных гениев». 23

Я спросил однажды Мадзини, какие меры примут для освобождения народа, когда его победоносная объединенная республика будет окончательно установлена. «Первою мерою, — ответил он мне, — будет учреждение школ для народа». — «А чему будут обучать народ в этих школах?» — «Обязанностям человека, самопожертвованию и преданности». — Но где возьмете вы достаточное количество преподавателей, чтобы обучать этим вещам, которым никто не имеет ни права, ни возможности обучать иначе как своим собственным примером? Не чрезвычайно ли ограничено число людей, находящихся высшее наслаждение в самопожертвовании и в преданности? Те, кто жертвует собою во имя великой идеи, повинуюсь возвы-

шенному влечению и удовлетворяя этому личному влечению, без которого самая жизнь теряет в их глазах всякую ценность, эти люди обыкновенно думают совсем о другом, нежели возведение своих действий в доктрину. Между тем как те, кто делают из них доктрину, забывают чаще всего превращать эту доктрину в действие по той простой причине, что доктрина убивает жизнь, убивает живую спонтанность действия. Люди, подобные Мадзини, у которых доктрина и действия находятся в удивительном единстве, — очень редкое исключение. В христианстве также были великие люди, святые люди, которые действительно делали или по меньшей мере страстно стремились делать все то, что проповедовали, и сердца которых, переполненные любовью, были полны презрения к наслаждениям и благам сего мира. Но громадное большинство католических и протестантских священников, которые сделали своим ремеслом проповедь доктрины целомудрия, воздержания и отречения, своим примером обыкновенно опровергали свою доктрину. И не без основания, но вследствие опыта многих веков у народов всех стран сложились такие поговорки: «развратен, как поп», «лакомка, как поп», «честолюбив, как поп», «жаден, корыстен, скуп, как поп». Установлено, таким образом, что учителя христианских добродетелей, поставленные церковью, — священники, в своем громадном большинстве, поступают совершенно обратному тому, что проповедают. Самые общераспространенность и преобладание подобных фактов доказывают, что вину следует приписывать не отдельным лицам, но невозможному социальному положению, в какое эти люди поставлены. В положении христианского священника заключается двойное противоречие. Во-первых, противоречие доктрины воздержания и отречения с положительными стремлениями и потребностями человеческой природы, с стремлениями и потребностями, которые в некоторых индивидуальных, всегда очень редких случаях могут еще постоянно попираяться, сдерживаться и даже совершенно уничтожаться постоянным влиянием какой-нибудь могущественной интеллектуальной или моральной страсти и которые в известные моменты коллективной экзальтации могут забываться и игнорироваться в течение некоторого времени большим количеством людей сразу. Но они настолько существенным образом присущи человеческой природе, что всегда в конце концов берут свое, так что, когда мешают их удовлетворению правильным и нормальным образом, они всегда заставляют изыскивать для своего удовлетворения вредные и уродливые способы. Таков естественный и, следовательно, роковой, непреодолимый закон, под губительное действие которого неизбежно попадают все христианские священники, и особенно священники римско-католической церкви. Он не распространяется на профессоров школы, другими словами, на священников новейшей Церкви, если только и их не обяжут проповедовать христианское воздержание и отречение.

Наука, становясь всеобщим достоянием, сольется в некотором роде с непосредственной и реальной жизнью каждого. Она выиграет в пользу и приятности то, что потеряет в гордости, честолюбии и педантическом доктринерстве. Это, конечно, не помешает тому, чтобы гениальные люди, более способные к научным спекуляциям, нежели большинство их современников, отдались более исключительно, чем другие, культивированию наук и оказали великие услуги человечеству, не претендуя тем не менее на иное социальное влияние, чем естественное влияние, которое более высокая интеллектуальность никогда не перестанет оказывать в своей среде, ни на иную награду, кроме той, какую каждый избранный ум находит в удовлетворении своей благородной страсти. 43

Следует различать универсальный опыт, на котором основывается всякая наука, от универсальной веры, на которую идеалисты хотят опереть свои верования. Опыт есть действительное установление действительных фактов;

вера есть лишь предположение фактов, которых никто не видел и которые, следовательно, находятся в противоречии с опытом всех.

48

Идеалисты, все те, кто верит в нематериальность и бессмертие человеческой души, должны быть чрезвычайно смущены фактом интеллектуального различия, существующего между расами, народами и индивидами. Как объяснить эту разницу, если только не допустить, что божественные частицы были распределены неравномерно? К несчастью, существует слишком значительное количество людей совершенно тупых, глупых до идиотизма. Не получили ли они при распределении частицу, одновременно, и божественную И тупую? Чтобы выйти из этого затруднения, идеалисты необходимо должны предположить, что все человеческие души одинаковы, но что тюрьмы, в которые они заключены, т. е. человеческие тела, — неодинаковы и одни более способны, чем другие, служить органом для чистой интеллектуальности души. Одна душа, таким образом, имела бы в своем распоряжении органы весьма тонкие, другая — органы слишком грубые. Но такими тонкостями идеализм не вправе пользоваться и не может пользоваться без того, чтобы не впасть в непоследовательность и самый грубый материализм. Ибо перед абсолютной нематериальностью души все телесные различия исчезают, все телесное, материальное должно явиться безразлично, равно и абсолютно грубым. Пропать, разделяющая душу от тела, абсолютно нематериальное от абсолютно материального, бесконечна; следовательно, все различия, необъяснимые и, кроме того, логически невозможные, которые могли бы существовать по другую сторону пропасти, в материи, должны быть ничтожными и не существующими для души и не могут, не должны оказывать на неё никакого влияния. Одним словом, абсолютно нематериальное не может содержаться, быть заключено и еще меньше может быть выражено, в какой бы то ни было степени, абсолютно материальным. Из всех грубых материалистических — в том смысле, который присвоен этому слову идеалистами, — т. е. животных, измышлений, которые были порождены невежеством и первобытной глупостью людей, мысль о нематериальной душе, заключенной в материальном теле, представляет собой, разумеется, самое грубое, самое нелепое измышление; и ничто лучше не доказывает всемогущества древних предрассудков, оказывающих влияние даже на лучшие умы, как этот поистине плачевный факт, что люди, даже одаренные высоким интеллектом, могут еще говорить об этом в настоящее время.

49

Я прекрасно знаю, что в теологических и метафизических системах Востока, и особенно в Индии, включая сюда буддизм, уже встречается принцип уничтожения действительного мира во имя идеала или абсолютной абстракции. Но он не носит еще этого характера добровольного и обдуманного отрицания, которым отличается христианство. Ибо, когда эти системы были созданы, собственно человеческий мир, мир человеческого разума, человеческой науки, человеческой воли и человеческой свободы, не был еще развит в той степени, в какой он проявился впоследствии в греко-римской цивилизации.

55

[...] Не таково мнение доктринерской школы социалистов, или скорее авторитарных коммунистов Германии, — школы, основанной несколько раньше 1848 г. и оказавшей — надо признать это — крупные услуги делу пролетариата не только в Германии, но и в Европе. Это ей главным образом принадлежит великая идея «Международной Ассоциации рабочих», а также и инициатива ее первого осуществления. Ныне она находится во главе Социал-Демократической Рабочей партии в Германии, имеющей своим органом «Фольксштат» («Народное государство»).

Это, следовательно, весьма почтенная школа, что не мешает «и по временам глубоко заблуждаться; одной из главных ее ошибок было то, что она приняла за основание своих теорий принцип глубоко верный, когда его рассматривают в верном освещении, то есть с точки зрения относительной, но который, рассматриваемый и выставленный безусловно, как единственное основание и первоисточник всех других принципов (как это делает эта школа), становится совершенно ложным.

Этот принцип, составляющий, впрочем, существенное основание позитивного социализма, был впервые научно сформулирован и развит г. Карлом Марксом, главным вождем школы немецких коммунистов. Он проходит красной нитью через знаменитый «Коммунистический Манифест», выпущенный в 1848 г. международным комитетом французских, английских, бельгийских и немецких коммунистов, собравшихся в Лондоне под лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Этот манифест, составленный, как известно, гг. Марксом и Энгельсом, сделался основой всех дальнейших научных трудов школы и агитационной деятельности в народе, которая велась позднее Фердинандом Лассалем в Германии.

Этот принцип абсолюта» противоположен принципу, признаваемому идеалистами всех школ. В то время как последние выводят всю историю — включая проявление материальных интересов и различных ступеней экономической организации общества — из проявления идей, немецкие коммунисты, напротив, во всей человеческой истории, в самых идеальных проявлениях как коллективной, так и индивидуальной жизни человечества, во всех интеллектуальных, моральных, религиозных, метафизических, научных, художественных, политических, юридических и социальных проявлениях, имевших место в прошлом и происходящих в настоящем, видели лишь отражение или неизбежный рикошет проявления экономических фактов. В то время как идеалисты утверждают, что идеи господствуют над фактами и производят их, коммунисты, наоборот, в полном согласии с научным материализмом утверждают, что факты порождают идеи и что последние всегда лишь суть идеальное отражение совершившихся фактов, что из всех фактов факты экономические, материальные, факты по преимуществу представляют собой настоящую базу, главное основание; всякие же другие факты — интеллектуальные и моральные, политические и социальные — суть лишь необходимо производные.

Кто прав — идеалисты или материалисты? Раз вопрос ставится таким образом, колебание становится невозможным. Вне всякого сомнения, идеалисты заблуждаются, а материалисты — правы. Да, факты господствуют над идеями; да, идеал, как выразился Прудон, есть лишь цветок, материальные условия существования которого представляют его корень. Да, вся интеллектуальная и моральная, политическая и социальная история человечества есть лишь отражение его экономической истории.

Все отрасли современной сознательной и серьезной науки приходят к провозглашению этой великой основной и решительной истины: да, общественный мир, мир собственно человеческий, одним словом, человечество есть не что иное, как последнее совершеннейшее — для нас по крайней мере и применительно к нашей планете — проявление, наивысшее проявление животности. Но так как всякое проявление неизбежно влечет за собой отрица-

ние, отрицание основы или исходной точки, человечество есть в то же время и по сути дела всевозрастающее сознательное отрицание животности в людях. Это отрицание — столь же разумное, как естественное, и разумное именно потому лишь, что естественное, и в одно и то же время и историческое и логическое, фатальное, как и всякие проявления и реализации всех естественных законов в мире, — оно-то и составляет и создает идеал, мир интеллектуальных и моральных убеждений идей.

Да, наши первые предки, наши Адамы и Евы, были если не гориллы, то по меньшей мере очень близкие родичи гориллы, всеядные, умные и жестокие животные, одаренные в неизмеримо большей степени, чем животные всех других видов, двумя ценными способностями: способностью мыслить и способностью, потребностью бунтовать.

Эти две способности, комбинируя свое поступательное действие в истории, представляют, собственно, момент, сторону, отрицательную силу в позитивном проявлении животного начала в человеке и создают, следовательно, все то, что является человеческим в человеке.

Библия — очень интересная и порою очень глубокая книга, когда ее рассматривают как одно из древнейших дошедших до нас проявлений человеческой мудрости и фантазии, — весьма наивно выражает эту истину в мифе о первородном грехе. Иегова, несомненно самый ревнивый, самый тщеславный, самый жестокий, самый несправедливый, самый кровожадный, самый большой деспот и самый сильный враг человеческого достоинства и свободы из всех богов, какому когда-либо поклонялись люди, создав неизвестно по какому капризу — вероятно, чтобы было чем развлечься от скуки, которая должна быть ужасна в вечном эгоистическом одиночестве, или для того, чтобы обзавестись новыми рабами, — Адама и Еву, великодушно предоставил в их распоряжение всю землю со всеми ее плодами и животными и поставил лишь одно ограничение полному пользованию этими благами.

Он строго запретил им касаться плодов дерева познания. Он хотел, следовательно, чтобы человек, лишенный самосознания, оставался вечно животным, ползающим на четвереньках перед вечным Богом, его Создателем и Господином. Но вот появляется Сатана, вечный бунтовщик, первый свободный мыслитель и эмансипатор миров. Он пристыдил человека за его невежество и скотскую покорность; он эмансипировал его и наложил на его лоб печать свободы и человечности, толкая его к непослушанию и вкушению плода знания.

Остальное всем известно. Господь Бог, предвидение которого, составляющее одну из божественных способностей, должно бы было, однако, уведомить его о том, что должно произойти, предался ужасному и смешному бешенству, он проклял Сатану, человека и весь мир, созданные им самим, поражая, так сказать, себя самого в своем собственном творении, как это делают дети, когда приходят в гнев. И не довольствуясь наказанием наших предков в настоящем, он проклял их во всех их грядущих поколениях, неповинных в преступлении, совершенном их предками. Наши католические и протестантские теологи находят это очень глубоким и очень справедливым именно потому, что это чудовищно несправедливо и нелепо! Затем, вспомнив, что он не только Бог мести и гнева, но еще и Бог любви, после того как он искорверкал существование нескольких миллиардов несчастных человеческих существ и осудил их на вечный ад, он проникся жалостью к остальным, и, чтобы спасти их, чтобы примирить свою вечную божественную любовь со своим вечным божественным гневом, всегда падким до жертв и крови, он послал в мир в виде искупительной жертвы своего единственного сына, чтобы он был убит людьми. Это называется тайной искупления, лежащей в основе всех христианских религий. И еще если бы божественный Спаситель спас человечество! Нет! В раю, обещанном Христом, — как известно, ибо об этом объявлено формально, — будет лишь очень немного избранных. Остальные, бесконечное большинство поколений нынешних и грядущих, будут вечно жариться в аду. В ожидании, чтобы утешить нас, Бог, всегда справедливый,

всегда добрый, отдал землю правительствам Наполеонов III, Вильгельмов I, Фердинандов Австрийских и Александров Всероссийских.

Таковы нелепые сказки, преподносимые нам, и таковы чудовищные доктрины, которым обучают в самый расцвет XIX века во всех народных школах Европы по специальному приказу правительств. Это называют — цивилизовать народы! Не очевидно ли, что все эти правительства суть систематические отравители, заинтересованные отупители народных масс?

Меня охватывает гнев всякий раз, когда я думаю о тех подлых и преступных средствах, которые употребляют, чтобы удержать нации в вечном рабстве, чтобы быть в состоянии лучше стричь их, и это отвлекло меня далеко в сторону. Ибо что в самом деле преступления всех Тропманов мира в сравнении с теми оскорблениями человечества, которые ежедневно среди бела дня на всем пространстве цивилизованного мира совершаются теми самими, кто осмеливается называть себя опекунами и отцами народов?

Возвращаясь к мифу о первородном грехе.

Бог подтвердил, что Сатана был прав, и признал, что дьявол не обманул Адама и Еву, обещая им знание и свободу в награду за акт неповиновения, совершить который он соблазнил их. Ибо едва они съели запрещенный плод, как Бог сказал сам себе (см. Библию): «Вот, человек сделался подобен одному из нас, он знает добро и зло. Помешаем же ему съесть плод древа вечной жизни, дабы он не стал бессмертным, как Мы».

Оставим теперь в стороне сказочную сторону этого мифа и рассмотрим его истинный смысл. Смысл его очень ясен. Человек эмансипировался, он отделался от животности и стал человеком. Он начал свою историю и свое чисто человеческое проявление актом непослушания и знания, то есть бунтом и мыслью.

1) Три элемента или, если угодно, три основных принципа составляют существенные условия всякого человеческого, как индивидуального, так и коллективного, проявления в истории: 1) человеческая животность, 2) мысль и 3) бунт. Первой соответствует собственно социальная и частная экономия; второму — знание; третьему — свобода*.

**Читатель найдет более полное
изложение этих трех принципов в
Приложении в конце-этой книги под
заглавием: Философские рассуждения
о божественном призраке, о
действительном мире и о человеке.**

Идеалисты всех школ, аристократы и буржуа, теологи и метафизики, политики и моралисты, духовенство, философы или поэты — не считая либеральных экономистов, как известно ярых поклонников идеала, — весьма оскорбляются, когда им говорят, что человек со всем своим великолепным умом, своими высокими идеями и своими бесконечными стремлениями есть — как и все существующее в мире — не что иное, как материя, не что иное, как продукт этой презренной материи.

Мы могли бы ответить им, что материя, о которой говорят материалисты, — материя стремительная, спонтанно и вечно подвижная, деятельная и плодотворная; материя, химически или органически определенная и с проявляющимися механическими, физическими, животными или интеллектуальными свойствами или силами, которые ей неизбежно присущи, — эта материя не имеет ничего общего с презренной материей идеалистов. Эта последняя, продукт их ложного отвлечения, действительно тупое, неодушевленное, неподвижное, не способное произвести ни малейшей вещи сущее, *carut mortuum*, презренный вымысел, противоположный тому прекрасному вымыслу, который они называют Богом, высшим существом, в сравнении с которым материя в их понимании, лишенная ими самими всего того, что составляет ее действительную природу, неизбежно представляет собою высшее Небытие. Они отняли у материи ум, жизнь, все определяющие качества, действенные отношения или силы, самое движение, без коего материя не была бы даже весомой, оставив ей лишь абсолютную непроницаемость и неподвижность в пространстве. Они приписали все эти силы, качества и естественные проявления воображаемому Существо, созданному их отвлеченной фантазией; затем, переменив роли, они назвали этот продукт их воображения, этот призрак, этого Бога, который есть Ничто, Высшим Существом. И в виде неизбежного следствия они объявили, что все действительное Сущее, материя, мир — ничто. После того они с важностью говорят нам, что эта материя не способна ничего произвести, ни даже прийти сама собою в движение и что, следовательно, она должна была быть создана их Богом.

В Приложении, в конце этой книги, я вывел на чистую воду поистине возмутительные нелепости, к которым неизбежно приводит представление о Боге как личном создателе и руководителе мира, или безличном, рассматриваемом как род божественной души, разлитой во всем мире, вечный принцип коего она, таким образом, составляет; или даже как бесконечной божественной мысли, вечно присущей и действующей в мире и проявляющейся всегда во всей совокупности материальных и конечных существ.

Здесь я ограничусь указанием лишь на один пункт.

Совершенно понятно последовательное проявление материального мира, точно так же как и органической животной жизни и исторически прогрессивного человеческого ума, как индивидуального, так и социального, в этом мире. Это — вполне естественное движение от простого к сложному, снизу вверх или от низшего к высшему; движение, согласное со всем нашим ежедневным опытом и, следовательно, согласное также с нашей естественной логикой, с самыми законами нашего ума, который, формируясь и проявляясь лишь с помощью этого самого опыта, выступает тем самым не чем иным, как, так сказать, его мысленным, мозговым воспроизведением или его сознательным резюме.

Система идеалистов представляет собою совершенную противоположность этому. Она есть абсолютное извращение всякого человеческого опыта и всемирного и всеобщего здравого смысла, который есть необходимое условие всякого соглашения между людьми и который, восходя от той столь простой и столь же единодушно признанной истины, что дважды два — четыре, к самым возвышенным и сложным научным положениям, не допуская притом ничего, что не подтверждается строго опытом или наблюдением предметов или фактов, составляет единственную серьезную основу человеческих знаний.

Вместо того чтобы следовать естественным путем снизу вверх, от низшего к высшему и от сравнительно простого к более сложному; вместо того чтобы умно, рационально проследить прогрессивное и действительное движение мира от мира, называемого неорганическим, к миру органическому, растительному, затем животному и, наконец, специально к человеческому, от химической материи или химического сущего к живой материи или к живому сущему, и от живого сущего к сущему мыслящему, идеалистические мыслители, одержимые, ослепленные и толкаемые божественным призраком, унаследованным ими от теологии, следуют совершенно противоположным путем. Они идут сверху вниз, от высшего к низшему, от сложного к простому. Они начинают Богом, представленным в виде личного существа или в виде божественной субстанции или идеи, и первый же шаг, который они делают, является страшным падением из возвышенных вершин вечного идеала в грязь материального мира; от абсолютного совершенства к абсолютному несовершенству; от мысли о бытии или скорее от высшего бытия к небытию. Когда, как и почему божественное, вечное, бесконечное сущее, абсолютное совершенство, вероятно надоевшее самому себе, решилось на это отчаянное *Salto mortale*, этого ни один идеалист, ни один теолог, метафизик или поэт никогда сами не могли понять, а тем более объяснить профанам. Все религии прошлого и настоящего и все трансцендентные философские системы вертятся вокруг этой единственной и безнравственной тайны*.

Я называю ее безнравственной (inique),
ибо, как мне думается, я доказал в
упомянутом уже Приложении, что эта
тайна была и продолжает еще быть
освящением всех ужасов,
совершенных и совершаемых в
человеческом мире. И я называю ее
единственной (unique), ибо все другие
богословские и метафизические
нелепости, отупляющие человеческий
ум, суть лишь ее неизбежные
последствия.

Святые люди, боговдохновенные законодатели, пророки, мессии искали в ней жизнь и нашли лишь пытки и смерть. Подобно древнему сфинксу, она пожрала их, ибо они не сумели объяснить ее. Великие философы — от Гераклита и Платона до Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, не говоря уже об индийских философах, написали горы томов и создали столь же остроумные, как и возвышенные, системы, в которых они мимоходом высказали много прекрасных и великих вещей и открыли бессмертные истины, но оставили эту тайну, главный предмет их трансцендентных изысканий, столь же непроницаемой, какою она была и до них. Но раз гигантские усилия самых удивительных гениев, которых знает мир и которые в течение по меньшей мере тридцати веков всякий раз заново предпринимали этот сизифов труд, привели лишь к тому, чтобы сделать эту тайну еще более непонятной, можем ли мы надеяться, что она будет нам раскрыта теперь рутинной диалектикой какого-нибудь узколобого ученика искусственно подогретой метафизики, и это в эпоху, когда живые и серьезные умы отвернулись от этой двусмысленной науки, вытекшей из сделки, исторически, разумеется, вполне объяснимой, между неразумием веры и здравым научным разумом?

Очевидно, что эта ужасная тайна необъяснима, значит, она нелепа, ибо одну только нелепость нельзя объяснить. Очевидно, что, если кто-либо ради своего счастья или жизни стремится к ней, тот должен отказаться от своего разума и, обратившись, если может, к наивной, слепой грубой вере, повторить с Тертуллианом и всеми искренно верующими слова, которые резюмируют самую сущность теологии: *Credo quia absurdum*.

Тогда всякие споры прекращаются, и остается лишь торжествующая глупость веры. Но тогда сейчас же рождается другой вопрос: как может в умном и образованном человеке родиться потребность верить в эту тайну?

Нет ничего более естественного, как то, что вера в Бога, Творца, руководителя, судьи, учителя, проклинателя, спасителя и благодетеля мира, сохранилась в народе, и особенно среди сельского населения, гораздо больше, чем среди городского пролетариата. Народ, к несчастью, еще слишком невежествен. И он удерживается в своем невежестве систематическими усилиями всех правительств, считающих не без основания невежество одним из самых существенных условий своего собственного могущества.

Подавленный своим ежедневным трудом, лишенный досугов, умственных занятий, чтения — словом, почти всех средств и влияний, развивающих мысль человека, народ чаще всего принимает без критики и гуртом религиозные традиции, которые с детства окружают его во всех обстоятельствах жизни, искусственно поддерживаются в его среде толпой официальных отравителей всякого рода, духовных и светских, и превращаются у него в род умственной и нравственной привычки, слишком часто более могущественной, чем его естественный здравый смысл.

Есть и другая причина, объясняющая и в некотором роде узаконивающая нелепые верования народа. Эта причина — жалкое положение, на которое народ фатально обречен экономической организацией общества в наиболее цивилизованных странах Европы.

Сведенный в интеллектуальном и моральном, равно как и в материальном, отношении к минимуму человеческого существования, заключенный в условиях своей жизни, как узник в тюрьму без горизонта, без исхода, даже без будущего, если верить экономистам, народ должен был бы иметь чрезвычайно узкую душу и плоский инстинкт буржуа, чтобы не испытывать потребности выйти из этого положения. Но для этого у него есть лишь три средства, из коих два мнимых и одно действительное. Два первых — это кабак и церковь, разврат тела или разврат души. Третье — социальная революция.

Отсюда я заключаю, что только эта последняя — по крайней мере в гораздо большей степени, чем всякая теоретическая пропаганда свободномыслящих, — будет способна вытравить

последние следы религиозных верований и развратные привычки народа, — верования и привычки, гораздо более тесно связанные между собою, чем это обыкновенно думают. И заменяя призрачные и в то же время грубые радости этого телесного и духовного разврата тонкими и в то же время действительными радостями человечности, осуществленной полностью в каждом и во всех, одна лишь социальная революция будет обладать силой закрыть в одно и то же время и все кабаки, и все церкви.

До тех пор народ, взятый в массу, будет верить, и если у него и нет разумного основания, он имеет по крайней мере право на это.

Есть разряд людей, которые, если и не верят, должны по крайней мере казаться верующими. Это — мучители, угнетатели, все эксплуататоры человечества, священники, монархи, государственные люди, военные, общественные и частные финансисты, чиновники всех сортов, полицейские, жандармы, тюремщики и палачи, монополисты, капиталисты, ростовщики, предприниматели и собственники, адвокаты, экономисты, политиканы всех цветов, до последнего бакалейщика, — все в один голос повторят слова Вольтера:

«Если бы Бог не существовал, его надо было бы изобрести».

Ибо, вы понимаете, для народа необходима религия. Это — предохранительный клапан.

Существует, наконец, довольно многочисленная категория честных, но слабых душ, которые, будучи слишком умными, чтобы принимать всерьез христианские догмы, отбрасывают их по частям, но не имеют ни мужества, ни силы, ни необходимой решимости, чтобы отвергнуть их полностью. Они предоставляют вашей критике все особенные нелепости религии, они отворачиваются от чудес, но с отчаянием цепляются за главную нелепость, источник всех других, за чудо, которое объясняет и узаконивает все другие чудеса, — за существование Бога. Их Бог — отнюдь не сильное и мощное Сущее, не грубо положительный Бог теологии. Это — Сущее туманное, прозрачное, призрачное, до такой степени призрачное, что, когда его думают схватить, оно превращается в Ничто. Это — мираж, блуждающий огонек, не светящий и не греющий. И однако, они держатся за него и верят, что, если он исчезнет, все исчезнет с ним. Это души неуверенные, болезненные, дезориентированные современной цивилизацией, не принадлежащие ни к настоящему, ни к будущему, бледные призраки, вечно висящие между небом и землей и занимающие совершенно такую же позицию между буржуазной политикой и социализмом пролетариата. Они не чувствуют в себе силы ни мыслить до конца, ни желать, ни решиться, и они теряют свое время, вечно пытаясь примирить непримиримое. В общественной жизни они называются буржуазными социалистами.

Ни с ними, ни против них невозможен никакой спор. Они слишком больны.

Но есть небольшое количество знаменитых людей, о которых никто не осмелится говорить без уважения и в полном здравии, силе ума и искренности которых никто не вздумает усомниться. Достаточно назвать имена Мадзини, Мишле, Кинэ, Джона Стюарта Милля*. Благородные и сильные души, великие сердца, великие умы, великие писатели, а Мадзини еще и героический и революционный воскреситель великой нации, они все — апостолы идеализма и страстные хулители и страстные противники материализма, а следовательно, и социализма как в философии, так и в политике.

Г-н Стюарт Милль, быть может, единственный из их числа, в серьезности идеализма которого можно усомниться по двум причинам: во-первых, он если не безусловный ученик, то страстный поклонник, приверженец позитивной философии Огюста Конта, — философии, которая, несмотря на многочисленные умышленные недоговоренности, действительно атеистична; во-вторых, Стюарт Милль — англичанин, а в Англии заявить себя атеистом значило бы еще и поныне поставить себя вне общества.

Следовательно, нужно обсуждать этот вопрос против них.

Отметим прежде всего, что ни один из поименованных мною великих людей и вообще ни один другой сколько-нибудь выдающийся идеалистический мыслитель наших дней не заботится о собственно логической стороне этого вопроса. Ни один не попытался философски разрешить возможность божественного сальто-мортале из вечных и чистых областей духа в грязь материального мира. Побоялись ли они затронуть это неразрешимое противоречие и отчаялись разрешить его после того, как величайшие гении истории не успели в этом, или же они считают его уже в достаточной мере решенным? Это их тайна. Факт тот, что они оставили в стороне теоретическое доказательство существования Бога и изложили лишь практические причины и следствия его. Они все говорили о нем как о факте всемирно признанном и как таковом не могущем более быть предметом какого-либо сомнения, ограничиваясь вместо всяких доказательств констатированием древности и этой самой всеобщности веры в Бога.

Это внушительное единодушие, по мнению многих знаменитых людей и писателей (назовем лишь наиболее известных), по красноречивому мнению Жозефа де Мэстра и великого итальянского патриота Джузеппе Мадзини, стоит больше, чем все научные доказательства; а если логика небольшого числа последовательных, весьма серьезных, но непопулярных мыслителей противна этой общепризнанной истине, тем хуже, говорят они, для этих мыслителей и для их логики, ибо всеобщее согласие, всемирное и древнее принятие какой-либо идеи во все времена признавалось наиболее неоспоримым доказательством ее истинности. Чувство всех и убеждение, которое находится и держится всегда и повсюду, не могут обманывать. Они должны иметь свои корни в абсолютно присущей необходимости самой природы человека. А так как было установлено, что все народы прошлого и настоящего верили и верят в существование Бога, очевидно, что те, кто имеет несчастье сомневаться в нем, какова бы ни была логика, вовлекшая их в это сомнение, суть существа ненормальные, чудовища.

Итак, древность и всемирность верования являются вопреки всякой науке и всякой логике достаточным и непререкаемым доказательством его истинности. Почему же?

До века Коперника и Галилея все верили, что солнце вращается вокруг земли. Разве они не ошибались?

Есть ли что древнее и распространеннее рабства? Может быть, людоедство. С образования исторического общества и до наших дней всегда и везде была эксплуатация принудительного труда масс, рабов, крепостных или наемных рабочих каким-либо господствующим меньшинством, угнетение народов Церковью и Государством. Нужно ли заключать из этого, что эксплуатация и угнетение есть необходимость, абсолютно присущая самому существованию общества? Вот, примеры, доказывающие, что аргументация адвокатов господ Бога ничего не доказывает.

В самом деле, нет ничего столь всеобщего и столь древнего, как несправедливость и нелепость; напротив, истина и справедливость в развитии человеческих обществ наименее распространены, наиболее молоды. Это объясняет также и постоянное историческое явление неслыханных преследований, которым первые провозгласившие истину и справедливость подвергались и подвергаются со стороны официальных, дипломированных представителей, заинтересованных во «всеобщих» и «древних» верованиях, и часто со стороны тех самых народных масс, которые, замучив проповедников истины, всегда кончали тем, что потом принимали и приводили к торжеству их идеи.

В этом историческом явлении нет ничего, что бы удивляло и устрашало нас, материалистов и социалистов-революционеров.

Сильные нашим сознанием, нашей любовью к истине во что бы то ни стало, этой логической страстью, которая сама по себе является великой силой и вне которой нет мысли; силь-

ные нашей страстью к справедливости и нашей непоколебимой верой в торжество человечности над всем животным в теории и практике; сильные, наконец, доверием и взаимной поддержкой, которую оказывают друг другу небольшое число разделяющих наши убеждения, мы миримся с этим историческим явлением, в котором видим проявление социального закона сколь естественного, столь же необходимого и столь же неизменного, как и все другие законы, правящие миром.

Этот закон есть логическое, неизбежное следствие животного происхождения человеческого общества. А перед лицом всех научных, физиологических, психологических, исторических доказательств, накопленных в наши дни, точно так же как и перед лицом подвигов немцев, завоевателей Франции, дающих ныне такое блестящее доказательство этого, положительно нельзя более сомневаться в действительности такого происхождения. Но с того момента, как мы примем животное происхождение человека, все объясняется. История предстает тогда перед нами как революционное отрицание прошлого — то медленное, апатическое, сонное, то страстное и мощное. Именно в прогрессивном отрицании первобытной животности человека, в проявлении его человечности она и состоит. Человек, хищное животное, двояродный брат гориллы, вышел из глубокой ночи животного инстинкта, чтобы прийти к свету ума, что и объясняет совершенно естественно все былые заблуждения и утешает нас отчасти в его нынешних ошибках.

Он вышел из животного рабства и, пройдя через божественное рабство, переходный этап между его животностью и человечностью, идет ныне к завоеванию и осуществлению своей человеческой свободы. Отсюда следует, что древность верования, какой-нибудь идеи далеко не является доказательством в их пользу и, напротив, должна сделать нас подозрительными. Ибо позади нас наша животность, а перед нами наша человечность, и свет человечности только один может нас согреть и осветить, только он может освободить нас, сделать достойными, свободными, счастливыми и осуществить братство среди нас, — он никогда не находится в начале, но по отношению к эпохе, в которой живут, всегда — в конце истории. Не будем же смотреть назад, будем всегда смотреть вперед, ибо впереди — наше солнце и наше спасение. И если позволительно, если даже полезно и необходимо оглянуться ради изучения нашего прошлого, так это нужно лишь для того, чтобы констатировать, чем мы были и чем мы не должны более быть; во что мы верили и что думали и во что мы не должны больше верить, чего не должны больше думать; что мы делали и чего не должны больше никогда делать.

Это относительно древности. Что же касается всемирности какого-нибудь заблуждения, то это доказывает лишь одно: сходство, если не совершенное тождество человеческой природы во все времена и во всех странах. И раз установлено, что все народы во все эпохи их жизни верили и верят еще в Бога, мы должны лишь заключить, что божественная идея, исходящая из нас самих, есть заблуждение, историческая необходимость в развитии человечества, и спросить себя, почему и как она произошла в истории, почему громадное большинство человеческого рода принимает ее еще и ныне за истину?

Пока мы не будем в состоянии отдать себе отчет, каким путем идея сверхъестественного, или божественного, мира возникла и должна была фатально возникнуть в историческом развитии человеческого сознания, мы никогда не сможем разрушить ее во мнении большинства, как бы мы ни были научно убеждены в нелепости этой идеи. Ибо мы никогда не сможем поразить ее в самых глубинах человеческого существа, где она родилась, и, осужденные на бесплодную борьбу, без исхода и без конца, мы будем всегда вынуждены поражать ее лишь на поверхности в ее бесчисленных проявлениях, в которых нелепость, едва пораженная ударами здравого смысла, сейчас же возродится в новой и не менее бессмысленной форме. Пока корень всех нелепостей, терзающих мир, — вера в Бога остается нетронутой, она никогда не переста-

нет давать новые ростки. Так, в наши дни в некоторых кругах высшего общества спиритизм стремится утвердиться на развалинах христианства.

Не только в интересах масс, но и в интересах нашего собственного здравого смысла мы должны постараться понять историческое происхождение идеи Бога, преемственность причин, развивших и породивших эту идею в сознании людей. Сколько бы мы ни говорили и ни думали, что мы атеисты, пока мы не поймем этих причин, мы дадим господствовать над нами в большей или в меньшей степени голосу этого всеобщего сознания, тайну которого мы не познали, и ввиду естественной слабости даже самого сильного индивида перед всемогущим влиянием окружающей его социальной среды мы всегда будем рисковать рано или поздно снова впасть тем или иным способом в бездну религиозной нелепости. Примеры этих постыдных обращений часты в современном обществе.

Я указал на главную практическую причину могущества, которое имеют еще и ныне религиозные верования над массами. Не столько мистические склонности, сколько глубокое недовольство сердца вызывает у них эту аберрацию ума — это инстинктивный и страстный протест человеческого существа против узости, плоскости, страданий и стыда жалкого существования. Против этой болезни, сказал я, есть лишь одно средство: социальная Революция.

В Приложении 18 я постарался изложить причины, которые обусловили рождение и историческое проявление религиозных галлюцинаций в сознании человека. Здесь я хочу обсуждать вопрос о существовании Бога или Божественного происхождения мира и человека лишь с точки зрения его моральной и социальной полезности, и о теоретической причине этого верования я скажу лишь несколько слов, чтобы лучше пояснить мою мысль.

Все религии с их богами, полубогами, пророками, мессиями и святыми были созданы доверчивой фантазией людей, еще не достигших полного развития и полного обладания своими умственными способностями. Вследствие этого религиозное небо есть не что иное, как мираж, в котором экзальтированный невежеством и верой человек находит свое собственное изображение, но увеличенное и опрокинутое, то есть обожествленное.

История религий, история происхождений величия и упадка богов, преемственно следовавших в человеческом веровании, есть, следовательно, не что иное, как развитие коллективного ума и сознания людей.

По мере того как в своем прогрессивном историческом ходе они открывали в самих себе или во внешней природе какую-либо силу, положительное качество или даже крупный недостаток, они приписывали их своим богам, преувеличив, расширив их сверх меры, как это обыкновенно делают дети, игрой своей религиозной фантазии. Благодаря этой скромности и набожной щедрости верующих легковерных людей небо обогатилось трофеями земли, и, как неизбежное следствие, чем небо делалось богаче, тем беднее становились человечество и земля. Раз божество было установлено, оно, естественно, было провозглашено первопричиной, первоисточником, судьей и неограниченным властителем: мир стал ничем, бог — всем. И человек, его истинный создатель, извлекая, сам того не зная, его из небытия, преклонил колена перед ним, поклонился ему и провозгласил себя его созданием и рабом.

Христианство является самой настоящей типичной религией, ибо оно представляет собою и проявляет во всей ее полноте природу, истинную сущность всякой религиозной системы, представляющей собою обеднение, порабощение и уничтожение человечества в пользу божественности.

Раз Бог — всё, действительный мир и человек — ничто. Раз Бог есть истина, справедливость, могущество и жизнь, человек есть ложь, несправедливость, зло, уродство, бессилие и смерть. Раз Бог — господин, человек — раб. Неспособный сам по себе найти справедливость, исти-

ну и вечную жизнь, он может достигнуть их лишь при помощи божественного откровения. Но кто провозглашает откровение, тот называет также проповедников откровения, мессий, пророков, священников и законодателей, вдохновленных самим Богом. А все они, раз признанные представителями божества на земле, в качестве святых учителей человечества, избранных самим Богом, чтобы направлять человечество на путь спасения, должны неизбежно пользоваться абсолютной властью. Все люди обязаны им неограниченным и пассивным повиновением. Ибо перед божественным разумом разум человеческий и перед Справедливостью Бога земная справедливость — ничто. Рабы Бога, люди должны быть рабами и Церкви и Государства, поскольку оно освящено церковью. Вот что христианство поняло лучше всех существовавших и существующих религий, не исключая и древние восточные религии, которые, впрочем, охватывали лишь народы отдельные и привилегированные, между тем как христианство имеет претензию охватить все человечество. И из всех христианских сект римский католицизм один провозгласил это положение и осуществил его со строгой последовательностью. Вот почему христианство есть абсолютная религия и почему апостольская римская церковь единственно последовательная, законная и божественная.

Пусть же не обижаются метафизики и религиозные идеалисты, философы, политики или поэты. Идея бога влечет за собою отречение от человеческого разума и справедливости, она есть самое решительное отрицание человеческой свободы и приводит неизбежно к рабству людей в теории и на практике.

Следовательно, если только не хотеть рабства и оскотинивания людей, как этого хотят иезуиты, как хотят этого ханжи, пиетисты или протестантские методисты, мы не можем, мы не должны делать ни малейшей уступки ни Богу теологии, ни Богу метафизики. Ибо в мистическом алфавите кто сказал А, должен сказать Z. И кто хочет поклоняться Богу, тот должен, не создавая себе ребяческих иллюзий, храбро отказаться от своей свободы и своей человечности.

Если Бог есть, человек — раб. А человек может и должен быть свободным. Следовательно, Бог не существует.

Пусть кто-либо попытается выйти из этого заколдованного круга! Делайте же выбор!

Нужно ли напоминать, насколько и как религии отупляют и развращают народы? Они убивают у них разум, это главное орудие человеческого освобождения, и приводят их к идиотству, главному условию их рабства. Они обещают человеческий труд и делают его признаком и источником подчинения. Они убивают понимание и чувство человеческой справедливости, всегда склоняя весы на сторону торжествующих негодяев, привилегированных объектов, божественной милости. Они убивают гордость и достоинство человека, покровительствуя лишь ползучим и смиренным. Они душат в сердцах народов всякое чувство человеческого братства, наполняя его божественной жестокостью.

Все религии жестоки, все основаны на крови, ибо все покоятся главным образом на идее жертвы, то есть на вечном обречении человечества ненасытимой мстительности Божества. В этой кровавой тайне человек всегда жертва, а священник — также человек, но человек, привилегированный милостью Божией, — божественный палач. Это объясняет нам, почему священники всех религий, самых лучших, самых гуманных, самых мягких, имеют почти всегда в глубине своего сердца — а если не сердца, то воображения, ума (а громадное влияние того и другого на сердце людей известно) — почему? — говорю я — что-то жестокое и кровожадное.

Все это наши современные знаменитые идеалисты знают лучше, чем кто-либо. Это люди ученые, знающие свою историю наизусть. А так как они в то же время — живые люди, великие души, проникнутые искреннею и глубокою любовью к благу человечества, то они с несравненным красноречием проклинали и заклеивали все это зло, все преступления религии. Они с

негодованием отвергают всякую солидарность с Богом позитивных религий и с ее былыми и нынешними представителями на земле.

Бог, которому они поклоняются или которого они представляют себе, поклоняясь, именно тем и отличается от действительных богов истории, что он вовсе не положительный Бог и не Бог, каким бы то ни было образом определенный теологически или хотя бы даже метафизически. Это — не Высшее сущее Робеспьера и Жан-Жака Руссо, не пантеистический Бог Спинозы и даже не имманентный, трансцендентальный и весьма двусмысленный Бог Гегеля. Они весьма остерегаются давать ему какое-либо позитивное определение, прекрасно чувствуя, что всякое определение отдаст их в жертву разрушительной критики. Они не скажут о нем, личный это Бог или безличный, создал ли он или не создал мира. Они даже не станут говорить о его божественном провидении. Все это могло бы их скомпрометировать. Они удовлетворяются словом «Бог», и это все. Но что такое их Бог? Это даже не идея, а лишь — стремление души.

Их Бог — общее название для всего, что им кажется великим, добрым, прекрасным, благородным, человеческим. Но почему же тогда не говорят они «Человек»? А! Дело в том, что и король Вильгельм Прусский, и Наполеон III, и все им подобные — тоже люди, и это ставит их в весьма затруднительное положение. Действительное человечество представляет из себя смесь всего, что есть самого возвышенного, самого прекрасного в мире, с самым низменным и чудовищным. Как же они справляются с этим? Одно они называют божественным, а другое — животным, представляя себе божественность и животность как два полюса, между которыми они помещают человечность. Они не хотят или не могут понять, что эти три термина в сущности представляют собою одно и что разделением они разрушают их.

Эти идеалисты не сильны в логике, и можно думать, что они презирают ее. Вот это-то и отличает их от пантеистических и деистических метафизиков и сообщает их идеям характер практического идеализма, черпающего свои вдохновения гораздо в меньшей степени из строгого развития мысли, нежели из опыта, я сказал бы, пожалуй, даже — из эмоций, как исторических и коллективных, так и индивидуальных, — из жизни. Это дает их пропаганде видимость богатства и жизненной силы, но это лишь видимость, ибо самая жизнь делается бесплодной, когда она парализована логическим противоречием.

Это противоречие заключается в следующем: они хотят Бога и в то же время они хотят человечности. Они упорствуют в объединении этих двух понятий, которые, раз будучи разделены, не могут более быть сопоставлены без того, чтобы взаимно не разрушить друг друга. Они говорят, не переводя дыхания: «Бог и свобода и человек», «Бог и достоинство, и справедливость, и равенство, и братство и благополучие людей», не заботясь о фатальной логике, согласно с которой, если существует Бог, все это осуждено на небытие. Ибо, если Бог есть, он является неизменно вечным, высшим, абсолютным господином, а раз существует этот господин, человек — раб. Если же человек — раб, для него невозможны ни справедливость, ни равенство, ни братство, ни благополучие. Они могут, сколько хотят, в противность здравому смыслу и всему историческому опыту представлять себе своего Бога воодушевленным самой нежной любовью к человеческой свободе, но господин, что бы он ни делал и каким бы либералом он ни хотел выказать себя, остается тем не менее всегда господином, и его существование неизбежно влечет за собою рабство всех, кто ниже его. Следовательно, если бы Бог существовал, для него было бы лишь одно средство послужить человеческой свободе: это — прекратить свое существование.

Ревниво влюбленный в человеческую свободу и рассматривая ее как абсолютное условие всего, чему мы поклоняемся и что уважаем в человечестве, я перевертываю афоризм Вольтера и говорю: если бы Бог действительно существовал, следовало бы уничтожить его...

Современные идеалисты понимают авторитет совершенно своеобразно. Хотя и свободные от традиционных предрассудков всех существующих позитивных религий, они тем не менее придают идее авторитета божественный, абсолютный смысл. Этот авторитет отнюдь не есть авторитет чудесно раскрытой откровением истины и не авторитет строго и научно доказанной истины. Они основывают его на небольшом количестве псевдофилософской аргументации и на громадной дозе смутно-религиозной веры, идеально абстрактно-поэтического чувства. Их религия есть как бы последняя попытка обоготворения всего, что является человеческим в человеке.

Это совершенная противоположность предпринятой нами задаче. Мы считаем своим долгом, ввиду человеческой свободы, человеческого достоинства и человеческого благополучия, отобрать у Неба блага, похищенные им у земли, чтобы возвратить их земле. Между тем как, пытаясь совершить последнюю героическую религиозную кражу, они, напротив, хотели бы снова возвратить небу, этому ныне разоблаченному божественному вору, в свою очередь обворованному смелым безбожием и научным анализом свободномыслящих, все самое великое, самое прекрасное и самое благородное, чем лишь обладает человечество.

Им, без сомнения, кажется, что человеческие идеи и дела, чтобы пользоваться большим авторитетом среди людей, должны быть облечены божественной санкцией. Как эта санкция выявляется? Не чудом, как в позитивных религиях, но самым величием или святостью идей и дел: то, что велико, что прекрасно, что благородно, что справедливо, объявляется божественным. В этом новом религиозном культе всякий человек, вдохновленный этими идеями и совершающий великие дела, становится жрецом, непосредственно посвященным самим богом. Доказательства? Нет надобности ни в каких других доказательствах, кроме самого величия идей, которые он выражает, и дел, которые он совершает; они столь святы, что могли быть внушены лишь Богом.

Вот в немногих словах вся их философия: философия чувства, а не реальной мысли, своего рода метафизический пиетизм. На первый взгляд это кажется невинным, но на самом деле это совсем не так, и вполне определенная, весьма узкая и сухая доктрина, скрывающаяся под неумовимой расплывчатостью этой поэтической формы, приводит к тем же бедственным результатам, как и все позитивные религии, то есть к самому полному отрицанию человеческой свободы и человеческого достоинства.

Провозгласить божественным все, что есть великого, справедливого, благородного, прекрасного в человечестве, — это значит молчаливо признать, что человечество само по себе было бы не способно произвести его, а это сводится к признанию, что предоставленная самой себе человеческая собственная природа жалка, несправедлива, низка и безобразна. Таким образом, мы возвращаемся назад, к сущности всякой религии, то есть к унижению человечества к вящей славе божества. И с того момента, как признаётся, что человек, естественно, — существо низшего порядка, что он по самой своей природе не способен возвыситься самостоятельно, без помощи божественного вдохновения, до верных и справедливых идей, становится необходимым признать также и все теологические, политические и социальные последствия позитивных религий. С того момента, как Бог, высшее и совершеннейшее сущее, противопоставляется человечеству, божественные посредники, избранные, боговдохновенные, появляются, словно из-под земли, чтобы освящать, направлять и руководить во имя его человеческим родом.

Нельзя ли предположить, что все люди равным образом вдохновлены Богом? Тогда, конечно, не было бы больше надобности в посредниках. Но это предположение невозможно, ибо факты слишком противоречат ему. Нужно было бы тогда приписать божественному вдохновению все нелепости и все ошибки, которые проявляются, и все ужасы, мучения, подлости

и глупости, которые совершаются в человеческом мире. Следовательно, в этом мире имеется лишь немного божественно вдохновленных людей. Это — великие люди истории, добродетельные гении, как говорит знаменитый итальянский гражданин и пророк Джузеппе Мадзини. Непосредственно вдохновленные самим Богом и опираясь на всеобщее сочувствие, выраженное всенародным голосованием — Dio e Popolo, они призваны управлять человеческими обществами*.

Шесть или семь лет назад в Лондоне я слышал, как г-н Луи Блан высказывал приблизительно такую же мысль. «Лучшая форма правления, — сказал он мне, — была бы такая, которая всегда апеллировала бы к делам добродетельных гениев».

Таким образом, мы снова возвращаемся к Церкви и Государству. Правда, в этой новой организации, установленной, как и все старинные политические организации, милостью Божией, но на этот раз подкрепляемой, по крайней мере ради формы, в виде необходимой уступки современному духу, как в преамбулах императорских декретов Наполеона III, волею (фиктивной) народа, Церковь не будет больше называться Церковью. Она назовется Школой. Но на скамьях этой школы усядутся не только дети: там будет вечный несовершеннолетний ученик, навсегда признанный неспособным выдержать экзамены, возвыситься до науки своих учителей и обойтись без их дисциплины, — народ*. Государство не будет больше называться Монархией; оно будет называться Республикой, но от этого оно не станет меньше государством, иначе говоря, официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей, добродетельных гениев или талантов, чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка — народа.

Я спросил однажды Мадзини, какие меры примут для освобождения народа, когда его победоносная объединенная республика будет окончательно установлена. «Первою мерою, — ответил он мне, — будет учреждение школ для народа». — «А чему будут обучать народ в этих школах?» — «Обязанностям человека, самопожертвованию и преданности». — Но где возьмете вы достаточное количество преподавателей, чтобы обучать этим вещам, которым никто не имеет ни права, ни возможности обучать иначе как своим собственным примером? Не чрезвычайно ли ограничено число людей, находящихся высшее наслаждение в самопожертвовании и в преданности? Те, кто жертвует собою во имя великой идеи, повинувшись возвышенному влечению и удовлетворяя этому личному влечению²⁷, без которого самая жизнь теряет в их глазах всякую ценность, эти люди обыкновенно думают совсем о другом, нежели

Но есть и другое противоречие, общее как тем, так и другим. Это противоречие связано с самим званием и положением учителя. Учитель приказывающий, угнетающий и эксплуатирующий — логическая и вполне естественная фигура. Но учитель, относящийся с самопожертвованием к своим подчиненным в силу его божеской и человеческой привилегии, — это нечто противоречивое и совершенно невозможное. Это — само лицемерие, так хорошо олицетворенное папою, который, называя себя последним слугою служителей Бога, — в знак чего, следуя примеру Христа, он даже моет раз в год ноги двенадцати нищим Рима — провозглашает в то же время себя наместником Бога, абсолютным и непогрешимым, господином мира. Нужно ли напоминать, что священники всех церквей, далекие от того, чтобы с самопожертвованием относиться к вверенной их попечению пастве, всегда приносили ее в жертву, эксплуатировали и удерживали на положении стада, отчасти чтобы удовлетворить своим собственным личным страстям, отчасти чтобы служить всемогуществу Церкви? Одинаковые условия, одинаковые причины всегда приводят к одинаковым результатам. То же самое будет, следовательно, с профессорами новейшей школы, божественно вдохновленной и патентованной Государством. Они необходимо сделаются — одни бессознательно, другие вполне отдавая себе в этом отчет — преподавателями доктрины принесения народа в жертву всемогуществу Государства и в пользу привилегированных классов.

Следует ли из этого, что нужно изъять всякое образование и уничтожить все школы? Отнюдь нет. Нужно полными пригоршнями распространять образование в массах и превратить все церкви, все храмы, посвященные славе Бога и порабощению людей, в школы человеческой эмансипации.

Но прежде всего согласимся на том, что школы, в собственном смысле этого слова, в нормальном обществе, основанном на равенстве и уважении человеческой свободы, должны существовать лишь для детей, а не для взрослых. И чтобы они сделались школами эмансипации, а не порабощения, нужно из них прежде всего изъять эту фикцию Бога, вечного и абсолютного поработителя. И нужно построить все воспитание детей и их образование на научном развитии разума, а не веры; и на развитии личного достоинства и независимости, а не на набожности и послушании; на культе истины и справедливости во что бы то ни стало, и прежде всего на уважении человека, которое должно во всем и везде заместить культ божества. Принцип авторитета в воспитании, детей представляет собою естественную отправную точку. Он законен, необходим, когда прилагается к детям младшего возраста, пока их ум еще совершенно не развит. Но как постоянное развитие всего вообще, а следовательно, и дальнейший ход воспитания влечет за собою последовательное отрицание отправной точки, этот принцип должен постепенно уменьшаться по мере того, как воспитание и образование ребенка подвигаются вперед, чтобы уступить место его возрастающей свободе. Всякое рациональное воспитание по существу есть не что иное, как прогрессивное уменьшение авторитета в пользу свободы, так как конечной целью воспитания должно быть создание людей свободных и полных уважения и любви к свободе других. Таким образом, первый день школьной жизни ребенка, если школа принимает детей раннего возраста, едва начинающих лепетать, должен быть днем самого большого авторитета и почти полного отсутствия свободы. Но его последний день должен быть днем самой большой свободы и абсолютного исчезновения всякого следа животного или божественного принципа авторитета.

Принцип авторитета, прилагаемый к людям, переступившим или достигшим совершеннолетия, становится чудовищностью, вопиющим отрицанием человечности, источником рабства и интеллектуального и морального развращения. К несчастью, отеческие заботы правительств оставили народные массы коснеть в таком глубоком невежестве, что необходимо будет основать школы не только для детей народа, но и для самого народа. Но из этих школ

должны будут абсолютно изъяты малейшие приложения или проявления принципа авторитета. Это не будут уже школы, но народные академии, где не будет ни школьников, ни учителей, куда народ будет свободно приходить, чтобы получать, если сочтет нужным, свободное образование, и где в свою очередь, богатый опытом, он сможет научить многим вещам учителей, которые принесут ему отсутствующие у него знания. Это будет, следовательно, взаимное обучение, акт интеллектуального братства между образованной молодежью и народом.

Истинная школа для народа и для всех сложившихся людей — это жизнь. Единственный великий и всемогущий, естественный и одновременно рациональный авторитет, единственный, который мы можем уважать, — это авторитет коллективного и общественного духа общества, основанного на равенстве и на солидарности, точно так же как и на свободе и взаимном человеческом уважении всех его членов.

Да, вот авторитет — отнюдь не божеский, а вполне человеческий, но перед ним мы от всего сердца преклоняемся, вполне уверенные, что он отнюдь не поработит, но освободит людей. Он будет в тысячу раз могущественнее — будьте в этом уверены, — чем все ваши божеские, теологические, метафизические, политические и юридические авторитеты, установленные Церковью и Государством, могущественнее, чем ваши уголовные кодексы, ваши тюремщики и ваши палачи.

Сила коллективного чувства или общественного духа уже весьма значительна и ныне. Люди, наиболее способные совершить преступление, редко осмеливаются бросать ему вызов, открыто выступать против него. Они стараются обмануть его, но весьма остерегаются резко задевать его, если только не чувствуют за собою поддержки по крайней мере какого-нибудь меньшинства. Ни один человек, каким бы могущественным он ни мнил себя, никогда не в силах будет перенести единодушное презрение общества, ни один не сможет жить, не чувствуя поддержки в виде одобрения и уважения по меньшей мере некоторой части этого общества. Человек должен побуждаться каким-нибудь глубоким и очень искренним убеждением, чтобы найти в себе мужество думать и идти против всех, и никогда человек эгоистичный, развращенный и низкий не найдет в себе такого мужества.

Ничто не доказывает лучше естественную и фатальную солидарность — этот закон общечеловечности, связующий всех людей, — чем этот факт, который каждым из нас может быть ежедневно проверен на себе самом и на всех своих знакомых. Но если это социальное могущество существует, почему его недостаточно было до сих пор, чтобы смягчить, очеловечить людей? На этот вопрос ответить очень просто: потому, что до сих пор эта сила сама не была очеловечена; а не была она очеловечена потому, что общественная жизнь, верным выражением которой она является, основана, как известно, на поклонении божеству, а не на уважении человека; на авторитете, а не на свободе; на привилегиях, а не на равенстве; на эксплуатации, а не на братстве людей; на несправедливости и лжи, а не на справедливости и истине. Следовательно, реальное действие общечеловечности, находившееся всегда в противоречии с гуманитарными теориями, которые она исповедует, производило всегда пагубное и развращающее влияние, а не моральное. Она не подавляла пороки и преступления, а создавала их. Следовательно, авторитет ее — авторитет божественный, антигуманный; его влияние — зловерное и гибельное. Хотите вы сделать его благотворным и гуманным? Совершите Социальную Революцию. Сделайте так, чтобы все потребности стали действительно солидарными, чтобы все материальные и общественные интересы каждого стали согласованы с человеческими обязанностями каждого. А для этого есть только одно средство: разрушите все учреждения неравенства, установите экономическое и социальное равенство всех, и на этой основе возникнет свобода, нравственность, солидарная человечность всех.

Я еще вернусь к этому самому важному вопросу социализма.

Профессора школы и чиновники Государства будут называть себя республиканцами. Но они от этого не станут меньше опекунами, пасторами, и народ останется тем, чем был вечно до сих пор, — стадом. Пусть же тогда бережется он стригалей, ибо, где есть стадо, непременно будут и те, которые стригут и пожирают стадо.

Народ по этой системе будет вечным школьником и воспитанником. Несмотря на свой совершенно призрачный верховный суверенитет, он будет продолжать служить орудием чужой воли и мысли, а следовательно, и чужих интересов. Между этим положением и тем, что мы называем свободой, единственно истинной свободой, — целая пропасть. Это будет под новыми формами старинное угнетение и старинное рабство. А там, где есть рабство, есть и нищета и скотское огрубение, настоящая материализация общества, как привилегированных классов, так и масс.

Обожествляя человеческие вещи, идеалисты всегда приходят к торжеству грубого материализма. И по очень простой причине: божественное испаряется и возносится на свою родину, на Небо, и одно только животное-грубое остается действительно на земле.

Да, идеализм в теории неизбежно приводит на практике к самому грубому материализму — не для тех, конечно, которые искренне проповедают идеализм, им приходится обыкновенно видеть в конце концов бесплодность своих усилий, — йодля тех, кто старается воплотить их учение в жизнь, для целого общества, поскольку оно дает себя подчинить идеалистическим доктринам.

Нет недостатка в исторических доказательствах этого общего факта, который на первый взгляд может показаться странным, но вполне естественно объясняется, если больше подумать над ним.

Сравните две последние цивилизации античного мира — греческую и римскую. Которая из этих цивилизаций была более материалистична, более естественна в своей исходной точке и наиболее гуманно-идеалистична по своим результатам? Конечно, греческая. Которая, напротив, была более абстрактно-идеалистична в исходной точке и приносила материальную свободу человека в жертву идеальной свободе гражданина, представленной абстракцией юридического права, а естественное развитие человеческого общества — абстракции государства, и которая по своим последствиям явилась более грубой? Конечно, римская цивилизация. Правда, греческая цивилизация, как и все античные цивилизации, в том числе и римская, была исключительно национальная и основана была на рабстве. Но, несмотря на эти два громадных исторических недостатка, она тем не менее первая поняла и осуществила идею человечности. Она облагородила и действительно идеализировала жизнь людей. Она превратила человеческие стада в свободные ассоциации свободных людей, она создала бессмертные науки, искусства, поэзию и философию и первые понятия уважения человека на основе свободы. При помощи политической и социальной свободы она создала свободную мысль. И в конце средних веков, в эпоху Возрождения достаточно было, чтобы несколько греческих эмигрантов принесли в Италию некоторые из своих бессмертных книг, чтобы жизнь, свобода, мысль, гуманность, погребенные в мрачной темнице католицизма, воскресли. Эмансипация человека — вот имя греческой цивилизации. А имя цивилизации римской? — Завоевание со всеми его грубыми последствиями. А ее последнее слово? — Всемогущество Цезарей. Это — обесценивание и порабощение наций и людей.

То, что мы видим сейчас, служит лишь новым доказательством этого. За исключением заблуждающихся великих сердец, и великих умов, названных мною выше, кто ныне является самыми ожесточенными защитниками идеализма? Во-первых, все царствующие дома и их придворные. Во Франции — Наполеон III со своей супругой госпожой Евгенией; все их бывшие министры, царедворцы и экс-маршалы от Руэ и Базэна до Флери и Пиетри; мужи

и жены императорского мира, которые так хорошо идеализировали и спасли Францию; это — их журналисты и их ученые: Кассаньяки, Жирардены, Дювернуа, Вельо, Лаверрье, Дюма; наконец, черная фаланга иезуитов и иезуиток во всевозможных робах; все дворянство и вся высшая и средняя буржуазия Франции; это — либеральные доктринеры и либералы без доктрин: Гизо, Тьеры, Жюли Фавры, Пельтаны и Жюли Симоны, все ожесточенные защитники буржуазной эксплуатации. В Пруссии, в Германии это — Вильгельм I» истинный современный представитель господ Бога на земле; все его генералы, все его померанские и другие офицеры, вся его армия, которая, сильная своей религиозной верой, завоевала Францию всем известным «идеальным» способом. В России это — царь и весь его двор, Муравьевы и Берги, все убийцы и набожные усмирители Польши. Повсюду, одним словом, религиозный или философский идеализм (причем один есть лишь более или менее свободный перевод второго) служит ныне знаменем материальной кровавой и грубой силы для бесстыдной материальной эксплуатации. Напротив, знамя теоретического материализма, красное знамя экономического равенства и социальной справедливости, поднято практическим идеализмом угнетенных и изголодавшихся масс, стремящихся осуществить наибольшую свободу и человеческое право каждого в братстве всех людей на земле.

Кто же — истинные идеалисты, идеалисты не отвлеченности, но жизни, не неба, но земли, и кто — материалисты?

Очевидно, что основное условие теоретического или божественного идеализма — пожертвование логикой, человеческим разумом, отказ от науки. С другой стороны, мы видим, что, защищая идеалистические доктрины, невольно оказываешься увлеченным в стан угнетателей и эксплуататоров народных масс. Вот два важных основания, которые должны были казаться достаточными, чтобы отдалить от идеализма всякий великий ум, всякое великое сердце. Как же случилось, что наши знаменитые современные идеалисты, у которых, конечно, нет недостатка ни в уме, ни в сердце, ни в доброй воле и которые посвятили все свое существование целиком служению человечеству, — как же случилось, что они упорно остаются в рядах представителей доктрины, отныне осужденной и обесчещенной?

Нужно, чтобы они побуждались к этому очень сильными мотивами. Это не может быть ни логика, ни наука, ибо и логика и наука — против идеалистической доктрины. Это не могут быть, разумеется, и личные интересы, ибо такие люди бесконечно выше всего, что может быть названо личным интересом. Нужно, следовательно, чтобы это был сильный мотив морального порядка. Какой же? Он может быть только один: эти знаменитые люди думают, конечно, что идеалистические теории или верования существенно необходимы для достоинства и морального величия человека и что материалистические теории, напротив того, понижают его до уровня животного.

А если верно обратное?

Всякое развитие, как я уже сказал, влечет за собою отрицание исходной точки. Так как исходная точка, по учению материалистической школы, материальна, то отрицание ее необходимо должно быть идеально. Исходя из тотальности действительного мира или из того, что отвлеченно называют материей, материализм логически приходит к действительной идеализации, то есть к гуманизации, к полной и совершенной эмансипации общества. Напротив, так как по той же самой причине исходная точка идеалистической школы идеальна, то эта школа неизбежно приходит к материализации общества, к организации грубого деспотизма и к подлой, несправедливой эксплуатации в форме Церкви и Государства. Историческое развитие человека по учению материалистической школы есть прогрессивное восхождение, а по идеалистической системе оно может быть лишь непрерывным падением.

Какой бы вопрос, касающийся человека, мы ни затронули, мы всегда натолкнемся на то же основное противоречие между двумя школами. Таким образом, как уже я отметил, материализм исходит из животности, чтобы установить человечность; идеализм исходит из божественности, чтобы установить рабство и осудить массы на безысходную животность. Материализм отрицает свободную волю и приходит к установлению свободы; идеализм во имя человеческого достоинства провозглашает свободную волю и на развалинах всякой свободы основывает авторитет. Материализм отвергает принцип авторитета, ибо рассматривает его с полным основанием как порождение животности и потому что, напротив, торжество человечества, которое, по его мнению, есть главная цель и смысл истории, осуществимо лишь при свободе. Одним словом, в любом вопросе вы всегда уличите идеалистов в практическом осуществлении материализма. Между тем как материалистов вы, напротив, увидите всегда преследующими и осуществляющими самые глубоко идеальные стремления и мысли.

По системе идеалистов история, как я уже сказал, не может быть ничем иным, как непрерывным падением. Они начинают с ужасного падения, после которого никогда уже не поднимаются, с божественного сальто-мортале из возвышенных сфер чистой абсолютной Идеи в область материи. И заметьте еще — какой материи! Не той вечно деятельной и подвижной материи, полной свойств и сил, жизни и ума, какою она нам представляется в действительном мире, но материи отвлеченной, обедненной и сведенной к абсолютной нищете путем форменного грабежа этими «пруссакими мысли», то есть теологами и метафизиками, которые из нее все украли, чтобы отдать своему Императору, своему Богу, — той материи, которая, лишенная всех присущих ей свойств, всякой деятельности и всякого движения, представляет лишь в противоположность божественной идее абсолютную глупость, непроницаемость, инертность и неподвижность.

Это падение столь ужасно, что Божество, божественная личность или идея, сплюсчивается, теряет сознание самой себя и уже никогда не находит себя. И в этом отчаянном положении она еще вынуждена творить чудеса! Ибо, раз материя инертна, всякое движение, которое происходит в мире, даже самое материальное, есть чудо и может быть лишь продуктом божественного вмешательства, действий Бога на материю. И вот это бедное Божество, разжалованное и почти уничтоженное своим падением, остается несколько тысяч веков в этом обморочном состоянии, затем медленно пробуждается, стремясь всегда безуспешно схватить какое-нибудь смутное воспоминание о себе самом; и всякое движение, которое оно производит с этой целью в материи, становится творением, новой формацией, новым чудом. Таким путем оно проходит через все ступени материальности и животности: сперва газ, простое или сложное химическое тело, минерал, оно затем распространяется по земле в виде растительной и животной организации, потом сосредоточивается в человеке. Здесь оно как будто должно бы найти себя, ибо в каждом человеческом существе оно возжигает ангельскую искру, частицу своего собственного божественного существа, бессмертную душу.

Как удалось ему вложить абсолютно нематериальное в абсолютно материальное? Как тело может содержать, заключать в себе, ограничивать, парализовать чистый дух? Вот еще один из вопросов, который только вера, это страстное и глупое утверждение нелепости, может разрешить. Это — самое великое из чудес. Здесь мы можем лишь установить результаты, практические следствия этого чуда.

После тысяч веков бесполезных усилий, чтобы прийти в себя, Божество, потерянное и пространенное в материи, которую оно одушевляет и которую приводит в движение, находит точку опоры, своего рода фокус своего собственного сосредоточения. Это — человек, это — его бессмертная душа, странным образом заключенная в смертном теле. Но каждый «отдельный человек, рассматриваемый индивидуально, — бесконечно ограничен, слишком мал, чтобы за-

ключать божественную безграничность; он может содержать в себе лишь чрезвычайно малую частицу ее, бессмертную как Целое, но бесконечно меньшую, нежели Целое. Отсюда следует, что божественное Сущее, Сущее абсолютно нематериальное, Дух — делимо, как и материя. Вот еще другая тайна, решение которой нужно предоставить вере.

Если бы Бог весь целиком мог поместиться в каждом человеке, тогда каждый человек был бы Богом. Мы бы имели бесконечное количество Богов, причем каждый оказывался бы ограничен всеми другими и в то же время каждый был бы бесконечен — противоречие, которое непременно повлекло бы взаимное уничтожение людей ввиду невозможности существования более чем одного. Что же касается частиц, то это другое дело. В самом деле, нет ничего более рационального, чем то, чтобы одна частица была бы ограничена другою и была бы меньше своего Целого. Только здесь представляется другое противоречие. Сущее ограниченное, сущее большее и сущее меньшее — это атрибуты материи, но не духа. У такого духа, каким его представляют себе материалисты, это, конечно, может быть, ибо по учению материалистов действительный дух есть не что иное, как функционирование совершенно материального организма человека. И тогда большая или меньшая величина духа абсолютно зависит от большего или меньшего совершенства человеческого организма. Но эти самые атрибуты ограничения и относительной величины не могут быть приписаны духу, каким его понимают идеалисты, духу абсолютно не материальному, духу, существующему вне всякой материи. Там не может быть ни большего, ни меньшего, никакой границы между духами, ибо есть лишь один Дух — Бог. Если прибавить, что бесконечно малые и ограниченные частицы, составляющие человеческие души, суть в то же время бессмертны, мы дойдем до верха противоречий. Но это вопрос веры. Не будем останавливаться на нем.

Итак, следовательно, Божество разорвано и вмещено бесконечно малыми дозами в бесконечное количество существ обоого пола, всех возрастов, всех рас и всех цветов.

Это для него в высшей степени неудобное и несчастное положение, ибо божественные частицы столь мало узнают друг друга в начале своего человеческого существования, что начинают с пожирания друг друга. Однако в этом состоянии варварства и чисто животной грубости божественные частицы, человеческие души сохраняют смутное воспоминание своей первобытной божественности и непобедимо влекутся к Целому. Они ищут друг друга, они ищут его. Это — само Божество, распространенное и затерянное в материальном мире, ищет себя в людях, и оно столь разрушено множественностью человеческих тюрем, в которых расеяно, что, ища себя, совершает кучу глупостей.

Начиная с фетишизма, оно ищет себя и поклоняется самому себе то в камне, то в кусочке дерева, то в тряпке. Даже весьма вероятно, что оно никогда не вышло бы из тряпки, если бы другое божество, которое воздержалось от падения в материю и которое сохранилось в состоянии чистого духа на возвышенных высотах абсолютного идеала или в небесных сферах, не сжалилось бы над ним.

И вот опять новая тайна — тайна Божества, раскалывающегося на две половины, из которых каждая является целой и бесконечной и из коих одна, Бог-Отец, скрывается в чистых, нематериальных областях, а другая, Бог-Сын, — снизошла в материю. Мы увидим сейчас установившиеся непрерывные сношения сверху вниз и снизу вверх между этими двумя Божествами, отделенными одно от другого. И эти сношения, рассматриваемые как единый, вечный и постоянный акт, составляют Святой Дух. Такова в своем истинном теологическом и метафизическом смысле великая, страшная тайна христианской Троицы.

Но покинем скорее эти высоты и посмотрим, что происходит на земле.

Бог-Отец, видя с высоты своего вечного великолетия, что бедняга Бог-Сын, сплюснутый и ошеломленный своим падением, до такой степени погрузился и потерялся в материи, что, придя даже в человеческое состояние, не может найти себя, решается наконец помочь ему.

Из огромного количества этих частиц, одновременно бессмертных, божественных и бесконечно малых, в которых Бог-Сын рассыпан до такой степени, что не может больше узнать самого себя, Бог-Отец выбирает наиболее ему понравившиеся и делает их своими вдохновенными, своими пророками, своими «добродетельными гениями», великими благодетелями и законодателями человечества: Зороастр, Будда, Моисей, Конфуций, Ликург, Солон, Сократ, божественный Платон и особенно Иисус Христос, совершенная реализация Бога-Сына, наконец собранного и сконцентрированного в единую человеческую личность; все апостолы, святой Петр, святой Павел и особенно святой Иоанн; Константин Великий, Магомет, затем Карл Великий, Григорий VII, Данте, по мнению некоторых также и Лютер, Вольтер и Руссо, Робеспьер и Дантон и много других великих и святых исторических персонажей, всех имен которых невозможно припомнить, но среди которых я, в качестве русского, прошу не забыть святого Николая.

Итак, мы дошли до проявления Бога на земле. Но сейчас же, как только Бог появляется, человек сводится к ничто. Скажут, что он несколько не сводится к ничто, ибо он сам — частица Бога. Виноват! Я допускаю, что частица, кусочек определенного ограниченного целого, как бы мала ни была эта частица, является некоторым количеством, положительной величиной. Но часть, частица бесконечно великого по сравнению с ним необходимо бесконечно мала. Умножьте миллиарды миллиардов на миллиарды миллиардов — их произведение по сравнению с бесконечно великим будет бесконечно мало, а бесконечно малое равно нулю. Бог — всё, следовательно, человек и весь действительный мир с ним вместе, вселенная, — ничто. Вы не выйдете из этого.

Бог появляется — человек сводится к ничто. И чем больше Божество делается великим, тем человечество делается более несчастным. Такова история всех религий. Таков результат всех божественных вдохновений и законодательств. В истории имя Бога есть страшная историческая палица, которою все божественно вдохновленные, великие «добродетельные гении», сокрушили свободу, достоинство, разум и благосостояние людей.

Мы имели вначале падение Бога. Мы имеем теперь падение, более интересное нас, — падение человека, вызванное одним лишь появлением или проявлением Бога на земле.

Поглядите же, в каком глубоком заблуждении находятся наши дорогие знаменитые идеалисты. Говоря нам о Боге, они думают, что возвышают нас, эмансипируют, облагораживают. Напротив, они нас давят и обесценивают. Они воображают, что с помощью имени Бога они сами смогут установить братство среди людей. Напротив, они создают гордость, презрение, они сеют раздоры, ненависть, войну, они основывают рабство. Ибо с Богом непременно приходят различные степени божественного вдохновения; человечество делится на весьма вдохновленных, на менее вдохновленных и на совсем не вдохновленных.

Правда, все они равно ничтожны перед Богом; но по сравнению друг с другом одни более велики, нежели другие, и не только фактически, что было бы несущественно, ибо фактическое неравенство теряется само собою в коллективности, раз оно не находит в ней ничего, никакой фикции или законного установления, за которое могло бы уцепиться; нет, одни более велики, чем другие, по божественному праву вдохновения, что тотчас же создает неравенство закрепленное, постоянное, окаменелое. Более вдохновленным должны внимать и повиноваться менее вдохновленные, и менее вдохновленным — совсем не вдохновленные. Вот хорошо установленный принцип авторитета и с ним два основных учреждения рабства: Церковь и Государство.

Из всех деспотизмов деспотизм доктринеров или религиозных вдохновителей есть наихудший. Они так ревностно относятся к славе своего Бога и к торжеству своей идеи, что в их сердце не остается больше места ни для свободы, ни для достоинства, ни даже для страданий живых людей, реальных людей. Божественная ревность, заботы об идее иссушают в конце концов в самых нежных душах, в самых сострадательных сердцах источник любви к человеку. Рассматривая все, что существует, все, что делается в мире, с точки зрения вечности или отвлеченной идеи, они с пренебрежением относятся к вещам преходящим; но ведь вся жизнь реальных людей из плоти и костей составлена, лишь из преходящих вещей. Они сами существа преходящие, которые, уходя, правда, замещаются другими, точно так же преходящими, но никогда не возвращаются к своей индивидуальности. Что есть постоянного или относительно вечного в реальных людях, так это факт существования человечества, которое, развиваясь непрерывно, переходит, обогащаясь, от одного поколения к другому. Я говорю относительно вечного, ибо когда наша планета будет разрушена — а она не преминет погибнуть рано или поздно, ибо все, что имеет начало, должно непременно иметь конец, — когда наша планета разложится, чтобы послужить, без сомнения, какому-нибудь новому образованию в системе вселенной, единственной реально вечной, кто знает, что сделается со всем человеческим развитием? Однако, так как момент этого разрушения бесконечно удален от нас, мы вполне можем рассматривать человечество как вечное относительно столь короткой человеческой жизни. Но самый этот факт прогрессивного человечества реален и жизненен, лишь поскольку он проявляется и осуществляется в определенное время, в определенном месте, в людях действительно живых, а не в его общей идее.

Общая идея всегда есть отвлечение и по этому самому в некотором роде — отрицание реальной жизни. Я установил в Приложении то свойство человеческой мысли, а следовательно, также и науки, что она в состоянии схватить и назвать в действительных фактах лишь их общий смысл, их общие отношения, их общие законы; одним словом, мысль и наука могут схватить то, что постоянно в их непрерывных превращениях вещей, но никогда не их материальную индивидуальную сторону, трепещущую, так сказать, жизнью и действительностью, но именно в силу этого быстротечную и неуловимую. Наука понимает мысль о действительности, но не самую действительность, мысль о жизни, но не самую жизнь. Вот граница, единственная граница, действительно не переходимая ею, ибо она обусловлена самой природой человеческой мысли, которая есть единственный орган науки.

На этой природе мысли основываются неоспоримые права и великая миссия науки, но также и ее жизненное бессилие и даже ее зловерное действие всякий раз, как в лице своих официальных дипломированных представителей она присваивает себе право управлять жизнью. Миссия науки такова: устанавливая общие отношения преходящих и реальных вещей, распознавая общие законы, которые присущи развитию явлений как физического, так и социального мира, она ставит, так сказать, незыблемые вехи прогрессивного движения человечества, указывая людям общие условия, строгое соблюдение коих необходимо и незнание или забвение коих всегда приводит к роковым последствиям. Одним словом, наука — это компас жизни, но это не есть жизнь. Наука незыблема, безлична, обща, отвлеченна, нечувствительна, подобно законам, коих она есть лишь идеальное, отраженное или умственное, то есть мозговое, воспроизведение (подчеркиваю это слово, чтобы напомнить, что сама наука есть лишь материальный продукт материального органа материального организма человека — мозга). Жизнь вся — быстротечна и преходяща, но также вся она трепещет действительностью и индивидуальностью, чувствительностью, страданиями, радостями, стремлениями, потребностями и страстями. Она одна спонтанно творит вещи и все действительное сущее. Наука ничего не создает, она лишь устанавливает и распознает творения жизни. И всякий

раз, как люди науки, выходя из своего отвлеченного мира, вмешиваются в дело живых творений в действительном мире, все, что они предлагают, или все, что они создают, — бедно, до смешного отвлеченно, лишено крови и жизни, мертворожденно наподобие Гомункула, созданного Вагнером, педантичным учеником бессмертного доктора Фауста. Из этого следует, что у науки единственная миссия — освещать жизнь, но не управлять, ею.

Управление науки и людей науки, хотя бы они и назывались позитивистами, учениками Огюста Конта или даже учениками доктринерской школы немецких коммунистов, может быть лишь бессильным, смешным, бесчеловечным, жестоким, угнетающим, эксплуатирующим, зловредным. Можно сказать о людях науки как о таковых то же, что я сказал уже о теологах и метафизиках: у них нет ни чувства, ни сердца для индивидуальных и живых существ. И в этом их даже нельзя упрекнуть, ибо это естественное следствие их ремесла. В качестве людей науки они имеют дело с общими положениями и не могут не проявлять интерес только к ним. [...]

Будучи в своей нынешней организации монополистами науки, ученые, оставаясь в качестве таковых вне общественной жизни, образуют несомненно особую касту, имеющую много сходного с кастой священников. Научная отвлеченность есть их Бог, живые и действительные индивидуальности — жертвы, а сами они — патентованные и священные жрецы.

Наука не может выйти из области отвлеченностей. В этом отношении она бесконечно ниже искусства, которое также, собственно говоря, имеет дело лишь с общими типами и с общими положениями. Но благодаря свойственным ему приемам оно умеет воплотить их в формы хотя и не живые в смысле реальной жизни, но тем не менее вызывающие в нашем воображении чувство или воспоминание об этой жизни. Оно в некотором роде индивидуализирует типы и положения, которые восприняло, и этими индивидуальностями без плоти и костей, которые являются в силу того постоянными или бессмертными и которые оно имеет силу творить, оно напоминает нам живые, реальные индивидуальности, появляющиеся и исчезающие у нас на глазах. Искусство есть, следовательно, в некотором роде возвращение абстракции к жизни.

Наука же, напротив, есть вечное приношение в жертву быстротечной, преходящей, но реальной жизни на алтарь вечных абстракций.

Наука так же мало способна схватить индивидуальность человека, как и индивидуальность кролика. Другими словами, она одинаково равнодушна как к тому, так и к другому — не потому, чтобы ей был неизвестен принцип индивидуальности. Она его прекрасно сознает как принцип, но не как факт. Она прекрасно знает, что все животные виды, включая сюда вид человека, имеют реальное существование лишь в неопределенном числе индивидов, рождающихся и умирающих, уступающих место новым индивидам, равным образом преходящим. Наука знает, что по мере того, как поднимаешься от животных видов к видам высшим, принцип индивидуальности становится все больше определенным, индивиды становятся более совершенными и более свободными. Она знает, наконец, что человек, последнее и самое совершенное животное на этой земле, представляет собою самую полную и самую достойную рассмотрения индивидуальность по причине его способности понимать и конкретизировать, олицетворять в некотором роде в себе самом и в своем существовании, как общественном, так и частном, универсальный закон. Она знает, когда она не заражена доктринерством — теологическим, метафизическим, политическим или юридическим — или даже узко научной гордостью и когда она не остается глухою к инстинктам и спонтанным стремлениям жизни, — она знает — и это ее последнее слово, — что уважение человека есть высший закон человечности и что великая, настоящая цель истории, единственная законная, это — гуманизация и эмансипация, действительная свобода, действительное благосостояние, счастье каждого живущего в обществе индивида. Ибо в конечном счете если только не впадать в убийственную

фикцию общественного блага, представляемо-то Государством, фикцию, всегда основанную на систематическом принесении народных масс в жертву, то нужно признать, что коллективная свобода и коллективное благосостояние действительны лишь тогда, когда они представляют собою сумму индивидуальных свобод и процветаний.

Наука знает все это, но она не идет, не может идти за эти пределы. Так как абстракция составляет истинную природу науки, она может понять принцип живой и реальной индивидуальности, но ей нечего делать с реальными и живыми индивидами. Она занимается индивидами вообще, но не Петром и Яковом, не тем или другим индивидом, не существующим, не могущим существовать для нее. Повторяю, индивиды, с которыми она может иметь дело, суть лишь абстракции.

Однако историю делают не абстрактные, но реальные, живые, преходящие индивиды. У абстракций нет своих способов передвижения, они двигаются, лишь когда их носят реальные люди. Для этих же существ, состоящих не только в идее, но реально из плоти и крови, наука — нечто бессердечное. Она рассматривает их самое большее как материал для интеллектуального и социального развития. Что ей до частных условий и до мимолетной судьбы Петра или Якова? Она поставила бы себя в смешное положение, она отреклась бы от своей роли, уничтожила бы себя, если бы захотела принять их за что-нибудь иное, чем за простые примеры в подтверждение своих вечных теорий. И смешно было бы требовать от нее этого, ибо не в том ее миссия. Она не может схватить конкретное. Она может двигаться лишь в абстракциях. Ее миссия — заниматься общими положениями и условиями существования и развития либо вообще человеческого рода, либо определенной расы, класса или категории индивидов, общими причинами их процветания или их упадка и общими средствами для их усовершенствования во всех отношениях. Если бы она выполняла этот труд широко и рационально, тем самым она выполнила бы весь свой долг, и было бы поистине смешно и несправедливо требовать от нее большего.

Но равным образом было бы смешно и даже опасно доверять ей миссию, выполнить которую она не способна. Так как ей свойственно игнорировать существование и участь Петра и Якова, то никогда не следует позволять ни ей, ни кому бы то ни было во имя ее управлять Петром и Яковом. Ибо она была бы вполне способна обращаться с ними почти так же, как она обращается с кроликами. Или скорее она продолжала бы игнорировать их; но ее патентованные представители, люди далеко не абстрактные, напротив, весьма живые, имеющие очень реальные интересы, идущие на уступки под вредным влиянием, которое привилегии роковым образом оказывают на людей, — они кончили бы тем, что стали бы сдирать с этого Петра и Якова шкуру во имя науки, как до тех пор сдирали с них шкуру попы, политики всех мастей и адвокаты: во имя Бога, Государства и юридического права.

То, что я проповедую, есть, следовательно, до известной степени бунт жизни против науки или, скорее, против правления науки, не разрушение науки — это было бы преступлением против человечества, — но водворение науки на ее настоящее место, чтобы она уже никогда не могла покинуть его. До настоящего времени вся история человечества была лишь вечным и кровавым приношением миллионов бедных человеческих существ в жертву какой-либо безжалостной абстракции: богов, отечества, могущества государств, национальной чести, прав исторических, прав юридических, политической свободы, общественного блага. Таково было до сих пор естественное, спонтанное и фатальное движение человеческих обществ. Что касается прошлого, то мы ничего не можем с ним поделать и должны принять его, как принимаем естественную необходимость. Нужно думать, что это был единственный возможный путь воспитания человеческого рода. Ибо не следует обманывать себя: даже признавая самую обширную роль за макиавеллистическими ухищрениями правящих классов, мы должны

признать, что никакое меньшинство не было бы достаточно могущественно, чтобы навязать массам все эти ужасные самопожертвования, если бы в самих массах не имелось безумного спонтанного движения, толкающего их все к новым самопожертвованиям во имя одной из этих прожорливых абстракций, которые, подобно историческим вампирам, всегда питались человеческой кровью.

Что теологи, политики и юристы находят это прекрасным, это само собою понятно. Жрецы этих абстракций, они только этими постоянными жертвоприношениями народных масс и живут. Что метафизика соглашается с этим, это также не должно удивлять нас. Ее миссия в том и заключается, что она узаконивает и рационализирует, насколько возможно, все, что само по себе вопиюще несправедливо и нелепо. Но мы должны с прискорбием констатировать, что сама положительная наука выказывала до сих пор те же тенденции. Она могла делать это лишь по двум причинам: во-первых, потому, что, развившись вне жизни народных масс, она представлена привилегированной группой, и затем потому, что до сих пор она ставила себя самой абсолютной и последней целью всякого человеческого развития. Между тем путем справедливой критики, на какую она способна и какую в конце концов она увидит себя вынужденной направить против себя самой, она должна бы понять, что она есть лишь необходимое средство для осуществления более высокой цели — полной гуманизации реального положения всех реальных индивидов, которые рождаются, живут и умирают на земле.

Громадное преимущество позитивной науки над теологией, метафизикой, политикой и юридическим правом заключается в том, что на место лживых и губительных абстракций, проповедуемых этими доктринами, она ставит истинные абстракции, выражающие общую природу или самую логику вещей, их общие отношения и общие законы их развития. Вот что резко отделяет ее от всех предыдущих доктрин и что всегда обеспечит ей важное значение в человеческом обществе. Она явится в некотором роде его коллективным сознанием. Но есть одна сторона, которою она соприкасается абсолютно со всеми этими доктринами: именно что ее предметом являются и не могут не являться лишь абстракции и что она вынуждена самой своей природою игнорировать реальных индивидов, вне которых даже самые верные абстракции отнюдь не имеют реального существования. Чтобы исправить этот коренной недостаток, нужно установить следующее различие между практической деятельностью вышеупомянутых доктрин и позитивной науки. Первые пользовались невежеством масс, чтобы со сладострастием приносить их в жертву своим абстракциям. Вторая же, признавая свою абсолютную неспособность сознать реальных индивидов и интересоваться их судьбой, должна окончательно и абсолютно отказаться от управления обществом; ибо если бы она вмешалась, то не могла бы делать это иначе, чем принося всегда в жертву живых людей, которых она не знает, своим абстракциям, составляющим единственный законный предмет ее изучения.

Истории как настоящей науки, например, еще не существует, и в настоящее время едва начинают предполагать бесконечно сложные условия этой науки. Но допустим, что история наконец сложилась: что она может дать нам? Она воспроизведет верную и продуманную картину естественного проявления как материальных, так и духовных, как экономических, так и политических, социальных, религиозных, философских, эстетических и научных условий обществ, имеющих свою историю. Но эта универсальная картина человеческой цивилизации, как бы она ни была детализирована, никогда не сможет представлять из себя что-либо иное, чем общую и, следовательно, абстрактную оценку, — абстрактную в том смысле, что миллиарды человеческих индивидов, составлявших живой и страдающий материал этой истории, одновременно торжествующей и мрачной, — торжествующей с точки зрения ее общих результатов и мрачной, поскольку она представляет огромную гекатомбу человеческих жертв, «раздавленных колесами ее колесницы», — эти миллиарды безвестных индивидов, без кото-

рых, однако, не был бы достигнут ни один из великих абстрактных результатов истории и на долю которых — заметьте это хорошенько — никогда не выпала возможность воспользоваться ни одним из достигнутых результатов, — эти индивиды не найдут себе ни малейшего местечка в истории. Они жили и они были принесены в жертву, раздавлены для блага абстрактного человечества, вот и все.

Следует ли упрекать за это историческую науку? Это было бы смешно и несправедливо. Индивиды неуловимы для мысли, для рефлексии и даже для слова человеческого, которое способно выражать лишь абстракции, — неуловимы в настоящем точно так же, как и в прошлом. Следовательно, сама социальная наука, наука будущего, будет по-прежнему неизбежно игнорировать их. Все, что мы имели право требовать от нее, — это то, чтобы она указала нам верно и определенно общие причины индивидуальных страданий, — и среди этих причин она не забудет, разумеется, принесение в жертву и подчинение — увы! слишком еще обычные и в наше время — живых индивидов отвлеченным обобщениям; в то же время она должна показать нам общие условия, необходимые для действительного освобождения индивидов, живущих в обществе. Такова ее миссия, и таковы ее пределы, за которыми деятельность социальной науки может быть лишь бессильной и пагубной. Ибо за этими пределами начинаются доктринерские и правительственные претензии ее патентованных представителей, ее жрецов. Пора уже покончить со всеми папами и жрецами: мы не хотим их, даже если бы они назывались демократами и социалистами. Повторяю еще раз, единственная миссия науки — это освещать путь. Но только сама жизнь, которая освобождена от всех правительственных и доктринерских преград и которой предоставлена полнота ее спонтанности, может творить. Как разрешить такое противоречие?

С одной стороны, наука необходима для рациональной организации общества; с другой стороны, неспособная интересоваться действительным и живым, она не должна вмешиваться в действительную или практическую организацию общества.

Это противоречие может быть разрешено лишь одним способом: наука как моральное начало, существующее вне всеобщей общественной жизни и представленное корпорацией патентованных ученых, должна быть ликвидирована и распространена в широких народных массах. Призванная отныне представлять коллективное сознание общества, она должна действительно стать всеобщим достоянием. Ничего не теряя от этого в своем универсальном характере, от которого она никогда не сможет отделаться, не перестав быть наукой, и продолжая заниматься исключительно общими причинами, общими условиями и общими отношениями индивидов и вещей, она на деле сольется с непосредственной и реальной жизнью всех человеческих индивидов. Это будет движение, аналогичное тому, которое заставило протестантов в начале Реформации говорить, что нет нужды в священниках, ибо отныне всякий человек делается своим собственным священником благодаря невидимому непосредственному вмешательству нашего господина Иисуса Христа, так как ему удалось наконец проглотить своего господина Бога. Но здесь речь не идет ни о господе нашем Иисусе Христе, ни о господе Боге, ни о политической свободе, ни о юридическом праве, — все эти вещи, как известно, суть метафизические откровения и все одинаково неудобоваримы.

Мир научных абстракций — вовсе не есть откровение; он присущ реальному миру, коего он есть лишь общее или абстрактное выражение и представление. Покуда он образует отдельную область, представленную специально корпорацией ученых, этот идеальный мир угрожает нам занять место господина Бога по отношению к реальному миру и предоставить своим патентованным представителям обязанности священников. Вот почему нужно растворить отдельную социальную организацию ученых во всеобщем и равном для всех образовании,

чтобы массы, перестав быть стадом, ведомым и стригомым привилегированными пастырями, могли отныне взять в свои руки свои собственные исторические судьбы*.

Наука, становясь всеобщим достоянием, сольется в некотором роде с непосредственной и реальной жизнью каждого. Она выиграет в пользе и приятности то, что потеряет в гордости, честолюбии и педантическом доктринерстве. Это, конечно, не помешает тому, чтобы гениальные люди, более способные к научным спекуляциям, нежели большинство их современников, отделились более исключительно, чем другие, культивированию наук и оказали великие услуги человечеству, не претендуя тем не менее на иное социальное влияние, чем естественное влияние, которое более высокая интеллектуальность никогда не перестанет оказывать в своей среде, ни на иную награду, кроме той, какую каждый избранный ум находит в удовлетворении своей благородной страсти.

Но пока массы не достигнут известного уровня образования, не следует ли предоставить людям науки управлять ими? Избави Бог, лучше им вовсе обойтись без науки, нежели быть управляемыми учеными. Первым следствием существования правления ученых было бы установление недоступности науки для народа. Это было бы неизбежно аристократическое правление, ибо современные научные учреждения аристократичны. Умственная аристократия! С точки зрения практической она наиболее неумолимая и с точки зрения социальной наиболее надменная и оскорбительная — такова была бы власть, установленная во имя науки. Подобный режим был бы способен парализовать жизнь и движение в обществе. Ученые, всегда самодовольные, самовлюбленные и бессильные, захотели бы вмешиваться во все, и все источники жизни иссякли бы под их абстрактным и ученым дыханием.

Еще раз повторяю — жизнь, а не наука творит жизнь; спонтанная деятельность самого народа одна может создать народную свободу. Без сомнения, было бы большим счастьем, если бы наука могла уже теперь освещать спонтанное шествие народа к его освобождению. Но лучше отсутствие света, чем ложный свет, скудно зажженный извне с очевидной целью сбить народ с правильного пути. Впрочем, совершенного отсутствия света народ не испытывает.

Не напрасно он прошел длинный исторический путь и оплатил свои ошибки веками страшных страданий. Практический опыт этих болезненных испытаний представляет собою своего рода традиционное знание, которое в известных отношениях стоит теоретической науки. Наконец, часть учащейся молодежи, те из буржуазных учащихся, которые чувствуют достаточно ненависти ко лжи, к лицемерию, к несправедливости и к подлости буржуазии, чтобы найти в себе самих мужество повернуться к ней спиной, и достаточно энтузиазма, чтобы беззаветно отдаться справедливому и гуманному делу пролетариата, эта молодежь будет, как я уже сказал, братским наставником народа; неся народу знания, которых ему еще недостает, она сделает совершенно бесполезным правление ученых.

Если народ должен остерегаться правления ученых, он еще с большим основанием должен остерегаться правления вдохновленных идеалистов. Чем более искренни эти верующие и поэты небес, тем более становятся они опасными. Научная абстракция, как я уже сказал, есть рациональная абстракция, верная в своей сущности, необходимая для жизни, теоретическим представлением, сознанием которой она является. Она может, она должна быть поглощена и переварена жизнью. Идеалистическая абстракция, Бог есть разъедающий яд, разрушающий и разлагающий жизнь, искажающий и убивающий ее. Гордость идеалиста, будучи отнюдь не личной, но божественной, — непобедима и неумолима. Он может, он должен умереть, но он никогда не уступит, и до последнего издыхания он будет пытаться поработить мир под каблук своего Бога, как прусские лейтенанты, эти практические идеалисты Германии, хотели бы видеть мир раздавленным сапогом со шпорой своего короля. Это та же вера — ее объекты даже не слишком различны, и тот же результат веры — рабство.

В то же время это — победа самого грязного и самого грубого материализма: нет нужды доказывать это относительно Германии, ибо нужно бы поистине быть слепым, чтобы не видеть этого в настоящее время. Но я считаю еще необходимым доказать это относительно божественного идеализма.

Человек, как и все остальное в мире, — существо вполне материальное. Ум, способность мыслить, способность получать и отражать различные ощущения, как внешние, так и внутренние, вспоминать о них, когда они миновали, и воспроизводить их воображением, сравнивать и отличать их друг от друга, отвлекать от них общие определения и создавать тем самым общие или абстрактные понятия, наконец, образовывать идеи, группируя и комбинируя понятия сообразно различным методам, — одним словом, разум, единственный создатель всего

нашего идеального мира, есть свойство животного тела, а именно абсолютно материальной организации мозга.

Мы знаем это вполне достоверно благодаря универсальному опыту, который никогда не был опровергнут ни одним фактом и который может быть проверен каждым человеком в любой момент его жизни. Все животные, не исключая самых низших видов, обладают в той или иной мере интеллектом, и мы видим, что в ряду видов интеллект животных тем больше развивается, чем ближе организация данного вида приближается к человеческой. Но у одного лишь человека интеллект достигнет той силы абстракции, которая, собственно, и составляет мысль.

Универсальный опыт*, который в конечном счете есть единственное начало, источник всех наших знаний, доказывает нам, следовательно, во-первых, что всякий интеллект всегда связан с каким-нибудь животным телом и, во-вторых, что интенсивность, сила этой животной функции зависит от относительного совершенства животной организации. Этот второй результат универсального опыта приложим не только к различным видам животных; мы обнаруживаем его также у людей, интеллектуальная и моральная сила которых зависит слишком очевидно от большего или меньшего совершенства их организма, а также расы, нации, класса и индивида, чтобы была надобность долго останавливаться на этом**.

Следует различать универсальный опыт, на котором основывается всякая наука, от универсальной веры, на которую идеалисты хотят опереть свои верования. Опыт есть действительное установление действительных фактов; вера есть лишь предположение фактов, которых никто не видел и которые, следовательно, находятся в противоречии с опытом всех.

Идеалисты, все те, кто верит в нематериальность и бессмертие человеческой души, должны быть чрезвычайно смущены фактом интеллектуального различия, существующего между расами, народами и индивидами. Как объяснить эту разницу, если только не допустить, что божественные частицы были распределены неравномерно? К несчастью, существует слишком значительное количество людей совершенно тупых, глупых до идиотизма. Не получили ли они при распределении частицу, одновременно, и божественную И тупую? Чтобы выйти из этого затруднения, идеалисты необходимо должны предположить, что все человеческие души одинаковы, но что тюрьмы, в которые они заключены, т. е. человеческие тела, — неодинаковы и одни более способны, чем другие, служить органом для чистой интеллектуальности души. Одна душа, таким образом, имела бы в своем распоряжении органы весьма тонкие, другая — органы слишком грубые. Но такими тонкостями идеализм не вправе пользоваться и не может пользоваться без того, чтобы не впасть в непоследовательность и самый грубый материализм. Ибо перед абсолютной нематериальностью души все телесные

бы то ни было животного тела. Но если никто не видел его, как люди могли дойти до того, чтобы поверить в его существование? Ибо факт этого верования несомненен и если и не универсален, как это утверждают идеалисты, то по меньшей мере весьма распространен. И как таковой он вполне заслуживает нашего почтительного внимания, ибо всеобщее верование, каким бы глупым оно ни было, всегда оказывает слишком сильное влияние на человеческие судьбы, чтобы было позволительно игнорировать его или отвлекаться от него.

Факт этого исторического верования объясняется, впрочем, естественным и рациональным образом. На примере детей и подростков и даже многих людей, давно уже достигших совершеннолетия, видно, что человек может пользоваться своими умственными способностями раньше, чем он отдает себе отчет в том, каким образом он ими пользуется, и раньше, чем он отчетливо и ясно сознает, что он пользуется ими. В этот период бессознательной работы наивного или верующего ума человек, преследуемый внешним миром и толкаемый внутренним возбудителем, именуемым жизнью с ее многочисленными потребностями, творит множество вымыслов, понятий и идей, по необходимости весьма несовершенных вначале и очень мало соответствующих действительности вещей и фактов, которую они стремятся выразить. И так как он не сознает еще работу своего собственного интеллекта, не знает еще, что это он сам создал и продолжает создавать эти вымыслы, понятия и идеи, и так как он не сознает сам, что они чисто субъективного, т. е. человеческого, происхождения, он естественно и необходимо рассматривает их как сущие объективные, действительные, совершенно независимые от него, существующие сами по себе и сами в себе.

Таким-то образом первобытные народы, медленно выходя из своей животной невинности, создали своих богов. Создав их и не подозревая, что они сами были их единственными творцами, они стали поклоняться им. Рассматривая их как действительные сущие, бесконечно высшие, чем они сами, они их наделили всемогуществом, а себя признали их созданием, их рабами. По мере того как человеческие идеи развивались дальше, боги, которые, как я это уже отметил, всегда были лишь фантастическим, идеальным, поэтическим отражением или перевернутым изображением, также идеализировались. Сперва грубые фетиши, они мало-помалу становились чистыми духами, существующими вне видимого мира, и наконец — в результате долгого исторического развития — они слились во единое божественное Сущее, в чистый, вечный, абсолютный Дух, творца и владыку миров.

В каждом развитии, истинном или ложном, действительном или воображаемом, как коллективном, так и индивидуальном, труден лишь первый шаг, первый акт. Раз этот шаг сделан и первый акт совершен, дальнейшее разворачивается естественно, как необходимое последствие. Что было трудно в историческом развитии этого ужасного религиозного безумия, продолжающего преследовать и давить нас, так это установить божественный мир, каким он представляется вне действительного мира. Этот первый акт безумия, столь естественный с точки зрения физиологической и, следовательно, необходимый в истории человечества, не совершился внезапно. Нужно было я не знаю сколько веков для развития и для проникновения этого верования в умственные привычки людей. Но раз установившись, оно делается всемогущим, как необходимо делается всемогущим всякое безумие, овладевающее человеческим мозгом. Возьмите сумасшедшего — каков бы ни был пункт его помешательства, вы найдете, что смутная и навязчивая идея кажется ему самой естественной вещью в мире и что, напротив, естественные и действительные вещи, находящиеся в противоречии с этой идеей, кажутся ему смешным и возмутительным безумием. А религия есть коллективное безумие, тем более могущественное, что оно — безумие традиционное и что ее происхождение теряется в чрезвычайно отдаленной древности. В качестве коллективного безумия она проникла во все поры как общественной, так и частной социальной жизни народов, она воплотилась в об-

ществе, она сделалась, так сказать, коллективной душой и мыслью. Всякий человек окружен ею с рождения, он всасывает ее с молоком матери, поглощает со всем, что слышит и видит. Он так напичкан, отравлен, проникнут ею во всем своем существе, что позже, как бы могуч ни был его природный ум, он вынужден делать невероятные усилия, чтобы освободиться от нее, и все же никогда не достигает этого вполне. Наши современные идеалисты представляют собою одно доказательство этого, наши материалисты-доктринеры, немецкие коммунисты — другое. Они не сумели отделаться от религии Государства.

Раз сверхъестественный мир, мир божественный, прочно установился в традиционном воображении народов, развитие различных религиозных систем следовало своим естественным и логическим путем, всегда, впрочем, в соответствии с современным и реальным развитием экономических и политических отношений, верным воспроизведением и божественной санкцией коих в мире религиозной фантазии оно являлось во все времена. Таким образом, коллективное историческое безумие, называемое религией, развилось, начиная с фетишизма, пройдя через все ступени политеизма, до христианского монотеизма.

Второй и, разумеется, наиболее трудный после установления отдельного божественного мира шаг в развитии религиозных верований был как раз переход от политеизма к монотеизму, от религиозного материализма язычников к спиритуалистической вере христиан. Языческие боги были — и в этом заключается их основной характер — прежде всего боги исключительно национальные. Затем, так как они были многочисленны, они необходимо сохраняли более или менее материальный характер или, скорее, они были потому многочисленны, что были материальны, так как разнообразие есть один из главных атрибутов действительного мира. Языческие боги не были еще собственно отрицанием действительных вещей: они были лишь их фантастическим преувеличением.

Чтобы установить на развалинах их столь многочисленных алтарей алтарь единого и высшего Бога, Владыки Мира, нужно было, следовательно, сперва разрушить автономное существование различных наций, составлявших языческий или античный мир. Это и сделали в очень грубой форме римляне, которые, завоевав наибольшую часть мира, известного древним, создали в некотором роде первый набросок, конечно совершенно отрицательный и грубый, — человечества.

Один Бог, возвысившийся таким образом над всеми национальными различиями всех стран, как материальными, так и социальными, и бывший в некотором роде прямым отрицанием, необходимо должен был быть нематериальным и отвлеченным. Но столь трудная вера в существование подобного Сущего не могла родиться сразу. Поэтому, как я показал в Приложении, эта вера была задолго подготовлена и развита греческой метафизикой, впервые установившей философским способом понятие о божественной Идее, вечной модели творца и вечно воспроизводимой видимым миром. Но Божество, познанное и сотворенное греческой философией, было божеством безличным, ибо никакая метафизика, будучи последовательной и серьезной, не может возвыситься или, скорее, опуститься до идеи личного Бога. Нужно было, следовательно, найти Бога, который был бы одновременно единым и весьма личным. Такой Бог нашелся в личности весьма грубого, весьма эгоистического, весьма жестокого Иеговы, национального бога евреев; Но евреи, несмотря на этот исключительный национальный дух, который отличает их еще и теперь, стали фактически, задолго до рождения Христа, самым интернациональным народом в мире. Увлеченные частью в качестве пленников, но еще больше толкаемые той меркантильной страстью, которая составляет одну из главных черт их национального характера, они распространились по всем странам, неся повсюду культ своего Иеговы, которому они становились тем более верными, чем больше он покидал их.

В Александрии этот ужасный Бог евреев лично познакомился с метафизическим Божеством Платона, уже сильно извращенным соприкосновением с Востоком и еще больше извратившимся впоследствии от своего собственного достоинства. Несмотря на свою национальную исключительность, ревнивый и жестокий, он не мог бесконечно противиться прелестям этого идеального и безличного Божества греков. Он соединился с ним, и от того брака родился Бог спиритуалистический, но не остроумный — Бог христиан. Известно, что неоплатоники Александрии были главными творцами христианской теологии.

Но теология не составляет еще религию, как и исторических элементов недостаточно для создания истории. Я называю историческими элементами общую обстановку и условия какого-либо реального развития: например, здесь завоевание римлян и встреча Бога евреев с идеальным Божеством греков. Для того чтобы оплодотворить исторические элементы, чтобы побудить их произвести целую серию новых исторических превращений, нужен живой, спонтанный факт, без которого они могли бы остаться еще много веков в первобытном состоянии, ничего не творя. В таком факте не было недостатка у христианства — это была пропаганда, мученичество и смерть Иисуса Христа.

Мы почти ничего не знаем об этой великой и святой личности, все, что сообщают о нем Евангелия, до такой степени противоречиво и носит такой сказочный характер, что мы едва можем уловить какие-то живые и реальные черты. Достоверно лишь, что это был проповедник среди бедняков, друг и утешитель несчастных, невежественных, рабов и женщин и что он был весьма любим этими последними. Он обещал вечную жизнь всем угнетенным и страдающим на земле, число коих неизмеримо. И как и надо было ожидать, он был распят представителями официальной морали и общественного порядка того времени. Его ученики и ученики его учеников, благодаря завоеваниям римлян, уничтожившим национальные границы, могли разнести пропаганду Евангелия по всем странам, известным в те времена. Повсюду они были приняты с распростертыми объятиями рабами и женщинами, двумя категориями древнего мира, наиболее угнетенными, наиболее страждущими и, разумеется, наиболее невежественными. Если им и удалось создать нескольких последователей в среде привилегированных и образованных, то в значительной мере благодаря влиянию женщин. Самая усиленная пропаганда велась ими почти исключительно в народе, столь же несчастном, как и отупевшем вследствие рабства. Это было первое пробуждение, первый осмысленный бунт пролетариата.

Великая честь христианства, его неоспоримая заслуга и весь секрет его беспримерного торжества, впрочем совершенно законного, заключались в том, что оно обратилось к страждущим массам, за которыми древний мир, образовавший интеллектуальную и политическую, узкую и жестокую аристократию, отрицал самые элементарные человеческие права. Иначе оно никогда не смогло бы распространиться. Учение, преподававшееся апостолами Христа, при всей своей утешительности для несчастных на первый взгляд было слишком возмутительно, слишком нелепо с точки зрения человеческого разума, чтобы просвещенные люди могли принять его. Понятен поэтому восторг апостола Павла, когда он говорит о возмущении веры и о победе божественного безумия, отвергнутых могущественными и мудрыми века, но с тем большей страстностью принятых простецами, невеждами и нищими духом!

В самом деле, нужно было весьма глубокое недовольство жизнью, великая жажда сердца и почти абсолютная нищета ума, чтобы принять христианскую нелепость, самую отважную и самую чудовищную из всех религиозных нелепостей.

Христианство было не только отрицанием всех политических, социальных и религиозных институтов древности; оно было абсолютным извращением здравого смысла, всего человеческого разума. Все действительно Сущее, действительный мир рассматривались отныне как

Ничто. Продукт отвлеченной мысли человека, последняя наивысшая абстракция, в которой человеческий ум, поднявшись над всеми существующими вещами и над самыми общими определениями действительного Сущего, каковыми являются идеи пространства и времени, и не имея уже больше ничего для преодоления, успокаивается на созерцании своей пустоты и своей абсолютной неподвижности (см. Приложение). Эта абстракция, это *caput motuum*, абсолютно лишенное всякого содержания, в полном смысле слова ничто, Бог, провозглашается единственным действительным Сущим, вечным, всемогущим. Реальное Целое объявлено ничем, и абсолютное ничто — Целым. Тень стала телом, и тело исчезает, как тень*.

Я прекрасно знаю, что в теологических и метафизических системах Востока, и особенно в Индии, включая сюда буддизм, уже встречается принцип уничтожения действительного мира во имя идеала или абсолютной абстракции. Но он не носит еще этого характера добровольного и обдуманного отрицания, которым отличается христианство. Ибо, когда эти системы были созданы, собственно человеческий мир, мир человеческого разума, человеческой науки, человеческой воли и человеческой свободы, не был еще развит в той степени, в какой он проявился впоследствии в греко-римской цивилизации.

Это было неслыханной дерзостью и нелепостью, настоящим возмущением веры, торжеством верящей глупости над умом — для масс. Для некоторых же это было торжествующей иронией усталого, развращенного и разочарованного в честных и серьезных поисках истины ума; потребностью одурманиться и опроститься, потребностью, которая часто встречается у пресыщенных умов: «Credo quia absurdum», то есть я не только верю нелепости, но именно и главным образом потому и верю, что это есть нелепость. Точно так же как в наше время многие выдающиеся и просвещенные умы верят в животный магнетизм, в спиритизм, в вертящиеся столы и — зачем ходить так далеко? — верят еще в христианство, в идеализм и в Бога.

Вера античного пролетариата, точно так же как и современных масс, была более прочной, по крайней мере более простой, не столь «хорошего тона». Христианская пропаганда обращалась к его сердцу, а не к уму; к его вечным стремлениям, к его потребностям, к его страданиям, к его рабству, а не к разуму, который еще дремал и для которого, следовательно, логические противоречия, очевидность нелепости не могли существовать. Единственный вопрос, интересовавший его, был вопрос: когда пробьет час обещанного освобождения? Когда наступит царство Божие? Что же касается теологических догм, он не заботился о них, ибо ничего в них не понимал. Пролетариат, обращенный в христианство, составлял его восходящую материальную силу, а не силу теоретической мысли.

Что же касается христианских догматов, они, как известно, были выработаны в целом ряде теологических и литературных работ и на церковных соборах главным образом обращенными новоплатониками Востока. Греческий ум так низко пал, что уже в четвертом веке христианской эры — в эпоху первого собора — мы встречаем идею личного Бога, чистого, вечного, абсолютного Духа, творца и верховного владыки мира, существующего вне мира, единогласно принятую всеми отцами церкви. И как логическое последствие этой абсолютной нелепости явилась естественная и необходимая вера в нематериальность и в бессмертность человеческой души, помещенной и заключенной в смертном теле, но смертном лишь отчасти. Ибо в этом самом теле есть одна частица, которая, будучи телесной, бессмертна, как душа, и должна воскреснуть, как душа. Настолько было трудно даже отцам церкви представить себе дух вне всякой телесной формы!

Следует заметить, что вообще характер всякого теологического, равно как и метафизического, рассуждения требует, чтобы одну нелепость объясняли другою.

Христианству посчастливилось встретить мир рабов. Другим счастьем для него было вторжение варваров. Варвары были прекрасные люди, исполненные естественной силы и особенно вдохновленные и толкаемые громадной потребностью и громадной способностью к жизни; первостепенные разбойники, способные все разрушить и все поглотить, равно как и их преемники — современные немцы; менее систематичные и педантичные в своем разбое, чем эти последние, гораздо менее моральные, менее ученые, но зато более независимые и более гордые, способные к науке и неспособные к свободе, как современные немецкие буржуа. Но при всех этих крупных достоинствах они были все же лишь варвары, то есть столь же равнодушные, как и античные рабы, из коих многие, впрочем, принадлежали к их расе, ко всем вопросам теории метафизики, — до такой степени, что раз их практическое отвращение к идеям было преодолено, то уже не трудно было обратить их теоретически в христианство.

В течение десяти веков подряд христианство, вооруженное всемогуществом церкви и Государства и без всякой конкуренции с чьей бы то ни было стороны, могло способствовать вырождению, порче и извращению умов Европы. У него не было конкурентов, ибо вне церкви не было никаких мыслителей, ни даже грамотных людей. Она одна мыслила, она одна говорила, писала, она одна обучала. Если в недрах ее возникали ереси, они всегда нападали

лишь на практические или теологические проявления основной догмы, но не самой догмы. Вера в Бога, чистого духа и творца мира, и вера в нематериальность души оставались неприкосновенными. Это двойное верование сделалось идейной основой всей восточной и западной цивилизации Европы, и оно проникло, оно воплотилось во все учреждения, во все детали жизни, как общественной, так и частной, всех классов точно так же, как и масс.

Удивительно ли после этого, что это верование удержалось до нашего времени и что оно продолжает оказывать свое разрушительное влияние даже на такие избранные умы, как Мадзини, Кине, Мишле и многие другие? Мы видели, что первое нападение на него было произведено Возрождением свободного ума в пятнадцатом веке, — Возрождением, породившим героев и мучеников, как Ванини, Джордано Бруно и Галилей. Хотя и заглушенная скоро гамом, шумом и страстями религиозной Реформации, свободная мысль продолжала втихомолку свою невидимую работу, завещая наиболее благородным умам каждого нового поколения дело человеческого освобождения путем подтачивания и разрушения нелепостей, пока наконец во второй половине восемнадцатого века она не появилась вновь на белый свет, смело подняв знамя атеизма и материализма.

Можно было думать тогда, что человеческий ум освободится наконец от всех божественных наваждений. Ничуть не бывало. Божественная ложь, которой питалось человечество, говоря лишь о христианском мире в течение восемнадцати веков, еще раз показала себя более могущественной, чем человеческая истина. Не будучи более в состоянии пользоваться услугами черного племени, освященным Церковью вороньем — католическими или протестантскими священниками, потерявшими всякое доверие, она стала пользоваться светскими священниками, короткополыми лжецами и софистами, среди которых главная роль выпала на долю двух роковых людей: один был самый лживый ум, другой — самая доктринерская деспотическая воля прошлого (восемнадцатого) века: Жан Жак Руссо и Робеспьер.

Первый очень типичен по своей узости и мрачной мелочности, по экзальтации, не имеющей другого предмета, кроме его собственной личности, по холодному энтузиазму и по лицемерию, одновременно сентиментальному и непримиримому, по вынужденной лжи современного идеализма. Его можно рассматривать как истинного творца современной реакции. На первый взгляд самый демократический писатель восемнадцатого века, он взращивал в себе беспощадный деспотизм государственного человека. Он был пророком доктринерского Государства, первосвященником которого пытался сделаться его верный ученик Робеспьер. Услышав изречение Вольтера о том, что, если бы Бога не было, его следовало бы выдумать, Жан Жак Руссо изобрел Верховное Существо, абстрактного и бесплодного Бога деистов. И во имя этого Верховного Существа и лицемерной добродетели, требуемой этим Верховным Существом, Робеспьер гильотинировал сперва эбертистов, затем самого гения Революции — Дантона, в лице которого он убил Республику, подготовляя таким образом неизбежные с того момента торжество и диктатуру Бонапарта I. После этой великой победы идеалистическая реакция стала искать и нашла менее фанатических, менее грозных слуг, приспособленных к сильно измельчавшему уровню буржуазии нашего века. Во Франции это были Шатобриан, Ламартин и... нужно ли говорить? Почему нет? Нужно все говорить, раз это верно, — это был сам Виктор Гюго, демократ, республиканец, ныне почти социалист, и следом за ними целая меланхолическая и сентиментальная когорта тощих и бледных умов, которые образовали под управлением этих учителей школу современного романтизма. В Германии это были Шлегели, Тикки, Новалисы, Вернеры, Шеллинги и многие другие, имена которых не заслуживают быть упомянутыми.

Созданная этой школой литература была истинным царством привидений и призраков. Она не выносила дневного света и могла существовать лишь в сумерках. Она не выносила

и грубого прикосновения масс: это была литература нежных, деликатных, избранных душ, стремящихся к своему небесному отечеству и живущих на земле против воли. Политика, вопросы дня внушали ей ужас и презрение; но когда ей случалось говорить о них, она выказывала себя откровенно реакционной, держа сторону церкви против дерзости свободомыслящих, стоя за королей, против народов и за всех аристократов, против грубой уличной черни. В общем, как я уже сказал, в этой школе преобладало почти полное равнодушие к политическим вопросам. В облаках, среди которых она витала, можно было различить лишь два действительных явления: быстрое развитие буржуазного материализма и безудержное разнуздание индивидуального тщеславия. [...]

[...] Наряду с практической причиной есть другая, чисто теоретическая, которая также составляет самых искренних либералов постоянно возвращаться к культу Государства. Они являются и называют себя либералами потому, что берут индивидуальную свободу за основу и исходную точку своей теории, и как раз потому, что их исходная точка или эта основа таковы, что они по роковой последовательности должны прийти к признанию абсолютного права Государства.

Индивидуальная свобода, по их словам, отнюдь не есть создание и исторический продукт общества. Они утверждают, что она предшествует всякому обществу и что человек, рождаясь, приносит ее вместе со своей бессмертной душой как божественный дар. Отсюда вытекает, что человек представляет из себя нечто, вполне самобытное, целостное и в некотором роде абсолютное существо лишь вне общества. Будучи сам свободен до и вне общества, он неизбежно формирует это общество актом своей воли и при помощи своего рода договора — инстинктивного или молчаливого, обдуманного или формального. Словом, по этой теории не индивиды создаются обществом, а, напротив, индивиды создают общество, толкаемые некоторой внешней необходимостью, как труд и война.

Ясно, что по этой теории общество в собственном смысле слова не существует. Естественное человеческое общество, действительная исходная точка всякой человеческой цивилизации, единственная среда, в которой может в действительности родиться и развиваться личность и свобода людей, этой теории совершенно неведомы. С одной стороны, она признает лишь индивидов, существующих сами по себе и свободных самих по себе; с другой стороны, это обусловленное общество, произвольно созданное этими индивидами и основанное на формальном или молчаливом договоре, есть государство. (Они очень хорошо знают, что никакое историческое государство никогда не имело основой своей договор и что все они были основаны насилием, завоеванием. Но эта фикция свободного договора, основы государства, им необходима, и они ею пользуются без излишних церемоний.)

Человеческие индивиды, масса которых, условно соединенная, образует государство, представляются по этой теории существами совершенно особенными и преисполненными противоречий. Одаренные бессмертной душой и свободой или свободной волей, присущей им, они суть, с одной стороны, существа бесконечные, абсолютные и, как таковые, вполне законченные, самодовлеющие, самодостаточные и не имеющие нужды больше ни в ком, даже в Боге, ибо, будучи бессмертными и бесконечными, они сами — Боги. С другой стороны, они — существа весьма грубо-материальные, слабые, несовершенные, ограниченные и абсолютно зависящие от внешней природы, которая окружает, поддерживает и в конце концов рано или поздно уносит их. Рассматриваемые с первой точки зрения, они столь мало нуждаются в обществе, что это последнее является скорее помехой полноте их бытия, их совершенной свободе. Поэтому мы видели с начала христианства святых и стойких людей, которые, глубоко восприняв идею бессмертия и спасения их душ, порвали все социальные связи и, избегая всяких человеческих отношений, искали в уединении совершенства, добродетели, Бога.

Они вполне основательно, с логической последовательностью рассматривали общество как источник порчи и абсолютное уединение души как условие всех добродетелей. Если они и покидали иногда свое уединение, то не потому, что чувствовали потребность в этом, но из великодушия, из христианского милосердия к людям, которые, продолжая развращаться в социальной среде, нуждались в их советах, в их молитвах и руководстве. Всегда это было для спасения других, никогда — для собственного спасения и самосовершенствования. Напротив, они рисковали погубить свои души, вступая в общество, из которого бежали с ужасом, как из школы всяческой испорченности. Окончив свое святое дело, они немедленно возвращались в свою пустыню, чтобы снова совершенствовать себя там непрерывным созерцанием своего индивидуального бытия, своей одинокой души пред лицом одного Бога.

Этому примеру должны следовать все, кто верит еще ныне в бессмертие души, во врожденную свободу или в свободную волю, если только они желают спасти свои души и достойно подготовить их к вечной жизни. Повторяю еще раз, что святые отшельники, достигавшие путем уединения совершенного оглупения, были вполне логичны. Раз душа бессмертна, то есть бесконечна по своей сущности, свободна и сама по себе, она должна быть самодовлеющей. Лишь существа преходящие, ограниченные и законченные могут взаимно дополнять друг друга; бесконечное не дополняется. Встречаясь с другим существом, которое не есть оно само, оно должно избегать его, уклоняться от всего, что не оно само. В крайнем случае, как я уже сказал, бессмертная душа должна быть в состоянии обойтись даже без Бога. Бесконечное в самом себе существо не может признать рядом с собою другое существо, которое было бы равным ему, и еще менее — существо выше его самого. Всякое существо, которое было бы столь же бесконечно, как оно само, и которое было бы не им самим, ограничивало бы его и, следовательно, делало бы его существом определенным и конечным.

Признавая столь же бесконечное существо, как она сама, вне себя самое, бессмертная душа необходимо признавала бы себя как сущее конечное. Ибо бесконечное в действительности является "таковым, лишь охватывая все и ничего не оставляя вне себя самого. Понятно, что бесконечное существо не может, не должно признавать бесконечное существо, которое было бы выше его самого. Бесконечность не допускает ничего относительного, ничего сравнимого; эти слова: бесконечность высшего порядка и бесконечность низшего порядка — ведут, следовательно, к нелепости. Бог именно и есть нелепость. Теология, которая обладает привилегией нелепости и которая верит в вещи именно потому, что эти вещи нелепы, ставит над бессмертными и, следовательно, бесконечными человеческими душами высшую абсолютную бесконечность, Бога. Но чтобы внести поправку к себе самой, она создала фикцию Сатаны, представляющего собой настоящий бунт бесконечного существа против существования абсолютной бесконечности, против Бога. И подобно тому как Сатана взбунтовался против высшей бесконечности Бога, точно так же святые отшельники христианства, слишком смиренные, чтобы бунтовать против Бога, взбунтовались против равной людям бесконечности, против общества.

Они вполне основательно заявили, что в нем не нуждаются для своего спасения и что если по странной фатальности они были [неразборчиво] и павшими бесконечностями, то общество Бога, самосозерцание в присутствии этой абсолютной бесконечности для них достаточно.

Повторяю еще раз, это пример, достойный подражания для всех, кто верит в бессмертие души. С этой точки зрения общество не может им предложить ничего, кроме верной гибели. В самом деле, что дает оно людям? Прежде всего — материальные богатства, которые могут быть произведены в достаточных размерах лишь коллективным трудом. Но разве тот, кто верит в вечное существование, не должен презирать эти богатства? Не говорил ли Иисус Хри-

стос своим ученикам: «Не собирайте сокровищ на земле, ибо где ваши сокровища, там и ваши сердца». И еще: «Легче толстому канату (или «верблюду», по другой версии) пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное». (Воображаю, какую физиономию должны корчить набожные и богатые буржуа — протестанты Англии, Америки, Германии и Швейцарии, читая эти столь решительные и столь неприятные для них сентенции.)

Иисус Христос прав — возжеление материальных богатств и спасение бессмертных душ безусловно непримиримы. А в таком случае не лучше ли, если хоть немножко и действительно верить в бессмертие души, не лучше ли отказаться от удобств и роскоши, которые доставляются обществом, и питаться корнями, как это делают отшельники, спасая свою душу ради вечности, нежели погубить ее ценою нескольких десятков лет материальных удовольствий. Этот расчет столь прост, столь очевидно справедлив, что мы вынуждены думать, что набожные и богатые буржуа, банкиры, промышленники, купцы, делающие столь отличные дела, пользуясь всем известными средствами, и тем не менее повторяющие постоянно евангельские слова, отнюдь не рассчитывают на бессмертие души для себя и великодушно уступают это бессмертие пролетариату, скромно довольствуясь для себя жалкими материальными благами, собираемыми на земле.

Что дает еще общество помимо материальных благ? Плотские, человеческие, земные привязанности, цивилизацию и культуру духа, все, что с человеческой, преходящей и земной точки зрения — громадно, но перед лицом вечности, бессмертия и Бога — равно нулю. Величайшая человеческая мудрость не является ли слабоумием перед лицом Бога?

Есть одна легенда восточной церкви, которая гласит, что два святых отшельника, добровольно проводившие несколько десятков лет на одном пустынном острове, уединились даже друг от друга и, проводя ночи и дни в созерцании и молитве, дошли до того, что даже потеряли способность речи. Из всего их бывшего репертуара слов у них сохранилось всего три-четыре, которые, соединенные вместе, не имели никакого смысла, но тем не менее выражали перед Богом самые высшие устремления их душ. Они питались, разумеется, корнями наподобие травоядных животных. С точки зрения человеческой эти два человека были слабоумными или безумцами, но с точки зрения божественной, с точки зрения верования в бессмертие души они выказали себя более сметливыми, чем Галилей и Ньютон. Ибо они пожертвовали несколькими десятками годов земного благополучия и светского ума ради вечного блаженства и ума божественного.

Итак, очевидно, что человек, одаренный бессмертной душой, бесконечностью и свободой, присущими этой душе, есть существо в высшей степени антиобщественное. И если бы он был всегда разумен, если бы, занятый исключительно своим бессмертием, он имел достаточно ума, чтобы презирать все блага, все привязанности и всю суету сего мира, он никогда не вышел бы из этого состояния невинности или божественного слабоумия и никогда не создал бы общества. Одним словом, Адам и Ева никогда бы не вкусили плода от древа познания, и мы все жили бы наподобие животных в земном раю, который Бог назначил им для пребывания. Но как только люди захотели познавать, цивилизоваться, очеловечиваться, думать, говорить и пользоваться материальными благами, они неизбежно должны были выйти из своего одиночества и сорганизоваться в общество. Ибо поскольку внутренне они бесконечны, бессмертны, свободны, постольку они внешне ограничены, смертны, слабы и зависимы от внешнего мира.

Рассматриваемые с точки зрения их земного, то есть не фиктивного, а действительного существования, огромное большинство людей представляет собой столь унижительное зрелище, столь безнадежно бедное инициативой, волей и умом, что поистине нужно быть одаренным редкой способностью строить себе иллюзии, чтобы найти в них бессмертную душу и тень

какой-либо свободной воли. Они представляются нам как существа, абсолютно и фатально определенные, — определенные прежде всего внешней природой, характером почвы и всеми материальными условиями их существования; определенные бесчисленными политическими, религиозными и социальными отношениями, обычаями, привычками, законами, целой массой предрассудков или мыслей, медленно выработанных предыдущими веками; они получают эти мысли уже при рождении на свет в обществе, которого они являются отнюдь не создателями, но сперва — продуктом, а позднее — орудием. На тысячу людей едва ли найдется один, о котором можно сказать, не безусловно, но лишь относительно, что он желает и думает самостоятельно.

Громадное большинство человеческих индивидов не только среди невежественных масс, но точно так же в образованных и привилегированных классах хочет и думает лишь то, что все вокруг них думают, чего все хотят. Они верят, конечно, будто хотят и думают самостоятельно, но на самом деле они лишь рабски, по рутине, с ничтожными, едва заметными модификациями воспроизводят чужие мысли и желания. Это рабство, эта рутинная, неиссякаемый источник общих мест, это отсутствие бунта воли, инициативы мысли индивидов, — главные причины безнадежной медлительности исторического развития человечества. Для нас, материалистов или реалистов, не верующих ни в бессмертие души, ни в свободную волю, эта медлительность, как она ни печальна, представляется естественной. Происходя от гориллы, человек лишь с громадными трудностями достигает сознания своей человечности и осуществления своей свободы. Вначале он не может обладать ни этим сознанием, ни этой свободой. Он рождается диким животным и рабом и очеловечивается и прогрессивно эмансипируется лишь в недрах общества, которое необходимо предшествует зарождению его мысли, слова и воли. И он может достичь этого лишь коллективными усилиями всех бывших и настоящих членов этого общества, которое, следовательно, есть основа и естественная исходная точка его человеческого существования. Из этого следует, что человек осуществляет свою индивидуальную свободу, или свою личность, лишь дополняя себя всеми окружающими его индивидами и лишь благодаря труду и коллективному могуществу общества, вне коего он остался бы, без сомнения, самым грубым и самым несчастным из всех жестоких животных, существующих на земле. По системе материалистов, единственной естественной и логичной, общество не только не уменьшает и не ограничивает, но, напротив, создает свободу человеческих индивидов. Оно — корень, дерево, свобода же — его плод. Следовательно, в каждую эпоху человек должен искать свою свободу не в начале, но в конце истории, и можно сказать, что действительное и полное освобождение каждого человеческого индивида есть настоящая великая цель, высший результат истории.

Совсем иная точка зрения идеалистов. По их системе человек проявляет себя сперва бессмертным и свободным существом и кончает тем, что становится рабом. В качестве бессмертного и свободного, бесконечного и целого в себе духа он не нуждается в обществе. Отсюда следует, что если он вступает в общество, то лишь по причине своего падения или же потому, что он забывает и теряет сознание своего бессмертия и своей свободы.

Существо противоречивое, бесконечное, как дух, но зависящее, несовершенное и материальное вовне, человек вынужден объединяться не вследствие потребности своей души, но ради сохранения своего тела. Общество образуется, следовательно, лишь своего рода принесянием в жертву интересов души и независимости души презренным интересам тела. Это настоящее падение и порабощение для индивида, внутренне бессмертного и свободного, отказ, по крайней мере частичный, от своей первоначальной свободы.

Известна сакраментальная фраза, которая на жаргоне всех сторонников государства и юридического права выражает это падение и это самопожертвование, этот первый роковой шаг к

человеческому порабощению. Индивид, пользующийся полной свободой в естественном состоянии, то есть прежде, чем он делается членом какого-либо общества, вступая в него, приносит в жертву часть этой свободы, чтобы общество гарантировало ему все остальное.

На просьбу разъяснить эту фразу отвечают обыкновенно другою: «Свобода каждого человеческого индивида не должна иметь других границ, кроме свободы всех других индивидов».

На первый взгляд нет ничего более справедливого. Не правда ли? И однако, эта теория содержит в зародыше всю теорию деспотизма. Согласно с основной идеей идеалистов всех школ и вопреки всем реальным фактам человеческий индивид представляется абсолютно свободным существом постольку и лишь постольку, поскольку он остается вне общества. Отсюда следует, что общество, рассматриваемое и понимаемое единственно как юридическое и политическое общество, то есть как государство, есть отрицание свободы. Вот к каким результатам приводит идеализм. Он, как видим, совершенно противоположен выводам материализма, которые, согласно с тем, что происходит в действительном мире, выставляют индивидуальную свободу людей как необходимое следствие коллективного развития „человечества“.

Материальная, реалистическая и коллективистская дефиниция свободы совершенно противоположна определению идеалистов. Она такова: человек становится человеком и достигает как сознания, так и осуществления своей человечности лишь в обществе и лишь коллективной деятельностью всего общества. Он освобождается от ига внешней природы лишь коллективным или социальным трудом, который один лишь способен превратить поверхность земли в пребывание, благоприятное развитию человечества. Без этого же материального освобождения не может быть ни для кого и освобождения интеллектуального и морального.

Человек не может освободиться от ига своей собственной природы, то есть он может подчинить свои инстинкты и движения своего собственного тела управлению своего все более и более развивающегося ума лишь воспитанием и образованием. Но и то и другое по своему существу есть вещи исключительно общественные. Ибо вне общества человек вечно остался бы диким животным или святым, что почти одно и то же. Наконец, изолированный человек не может сознавать своей свободы. Быть свободным для человека означает быть признанным и рассматриваемым свободным и пользующимся соответственным обращением со стороны другого человека, со стороны всех окружающих его людей. Свобода, следовательно, не может быть фактом уединения, но взаимной рефлексии, не удаления, но, напротив — связи, ибо свобода каждого индивида есть не что иное, как отражение его человечности или его человеческого права в сознании всех свободных людей, его братьев, его равных.

Я могу назвать себя и чувствовать себя свободным лишь в присутствии и по отношению к другим людям. В присутствии животного низшего вида я — не свободный и не человек, ибо это животное не способно осознать, а следовательно, и признать мою человечность. Я человек и свободен сам лишь постольку, поскольку я признаю свободу и человечность всех людей, окружающих меня. Лишь уважая их человеческий характер, я уважаю свой собственный человеческий характер. Людоед, который съедает своего пленника, обращаясь с ним как с диким животным, — не человек, но животное. Господин рабов — не человек, но господин. Не считаясь с человечностью своих рабов, он пренебрегает своей собственной человечностью. Любое античное общество может доставить нам доказательства этого: греки, римляне не чувствовали себя свободными как люди, они не рассматривали себя таковыми с точки зрения человеческого права. Они считали себя привилегированными в качестве греков, в качестве римлян лишь в своем собственном отечестве, пока оно оставалось независимым, незавоеванным и, напротив, завоевывающим другие страны вследствие особого покровительства их национальных Богов. И они отнюдь не удивлялись и не считали своим долгом возмущаться, когда, побежденные, они сами попадали в рабство.

Беликой заслугой христианства было провозглашение человечности всех человеческих существ, включая женщин, и равенства всех людей перед Богом. Но как оно провозгласило это? На небесах, в будущей жизни, но не для теперешней, действительной жизни на земле. К тому же это будущее равенство •опять-таки ложно, ибо, как известно, число избранных в высшей степени ограничено. Относительно этого пункта все теологи самых различных христианских сект единодушны. Следовательно, так называемое христианское равенство влечет за собою самую вопиющую привилегию нескольких тысяч избранных божественной милостью на миллионы отверженных. Впрочем, это равенство всех перед Богом, если бы даже оно осуществилось для каждого, было бы лишь равным ничтожеством и равным рабством всех перед высшим господином.

Основа христианского культа и первое условие спасения не есть ли, таким образом, отказ от человеческого достоинства и презрение этого достоинства пред лицом божественного величия? Христианин, следовательно, не человек, в том смысле, что он не обладает сознанием человечности, и также потому, что, не уважая человеческое достоинство в самом себе, он не может уважать его в других; а не уважая его в других, он не может уважать его в себе самом. Христианин может быть пророком, святым, священником, королем, генералом, министром, чиновником, представителем какого-либо авторитета, жандармом, палачом, дворянином, эксплуататором-буржуа или поработанным пролетарием, угнетателем или угнетенным, мучителем или мучимым, хозяином или работником, но он не имеет права называть себя человеком, ибо человек делается в действительности таковым лишь тогда, когда он уважает и любит человечность и свободу всех и когда его свобода и его человечность уважаемы, любимы, вызываемы и создаваемы всеми.

В самом деле, я свободен лишь тогда, когда все человеческие существа, окружающие меня, мужчины и женщины, равно свободны. Свобода других не только не является ограничением или отрицанием моей свободы, но, напротив, есть необходимое условие и утверждение ее. Я становлюсь истинно свободным лишь благодаря свободе других, так что, чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространеннее, глубже и шире становится моя свобода. Напротив, рабство людей ставит препятствие моей свободе, или, что сводится к тому же, именно их животность и является отрицанием моей человечности, ибо — повторяю еще раз — я могу назвать себя истинно свободным лишь тогда, когда моя свобода, или, что то же, мое человеческое достоинство, мое человеческое право, заключающееся в том, чтобы не повиноваться никакому другому человеку и руководствоваться в моих действиях лишь моими собственными убеждениями, лишь когда эта моя свобода, отраженная равно свободным сознанием всех людей, возвращается ко мне, подтвержденная согласием всех. Моя личная свобода, подтвержденная таким образом свободой всех, становится беспредельной.

Мы видим, что свобода, как она понимается материалистами, есть нечто весьма положительное, весьма сложное и в особенности в высшей степени общественное, ибо она может быть осуществлена лишь посредством общества и лишь при более тесном равенстве и солидарности каждого со всеми. Можно различать в ней три момента развития, три элемента, из коих первый есть в высшей степени положительный и общественный; это полное развитие и полное пользование каждым всеми человеческими способностями и возможностями путем воспитания, научного образования и материального благополучия,— а все это может быть дано каждому лишь коллективным материальным и интеллектуальным, мускульным и нервным трудом целого общества.

Второй элемент или момент свободы — отрицательный. Это элемент бунта человеческого индивида против всякого божеского и человеческого, коллективного и индивидуального авторитета.

Это прежде всего бунт против тирании высшего призрака теологии, против Бога. Очевидно, что, пока у нас будет господин на небе, мы будем рабами на земле. Наш разум и наша воля будут одинаково сведены к нулю. Пока мы будем верить, что мы обязаны ему абсолютным повиновением, — а по отношению к Богу не может быть иного, кроме абсолютного повиновения, — мы должны будем необходимо пассивно и без малейшей критики подчиняться святому авторитету его посредников и его избранных: мессий, пророков, божественно вдохновленных законодателей, императоров, королей и всех их чиновников и министров, представителей и священнослужителей двух великих институтов, которые навязываются нам как установленные самим Богом для управления людьми, — Церкви и Государства. Всякий преходящий или человеческий авторитет исходит непосредственно из духовного или божественного авторитета. Но авторитет есть отрицание свободы. Бог или скорее фикция Бога есть, следовательно, освящение и интеллектуальная и моральная причина всякого рабства на земле, и свобода людей будет полной лишь тогда, когда она совершенно уничтожит гибельную фикцию небесного владыки.

Затем, как следствие бунта против Бога, является бунт против тирании людей, против авторитета, как индивидуального, так и общественного, представленного и легализованного государством. Относительно этого нужно, однако, хорошенько столкнуться, а для этого надо начать с установления весьма точного различия между официальным и, следовательно, тираническим авторитетом общества, организованного в Государство, и влиянием и естественным воздействием неофициального естественного общества на каждого из его членов.

Бунт против естественного влияния общества много труднее для индивидов, чем бунт против официально организованного общества, против Государства, хотя часто он так же совершенно неизбежен, как последний. Общественная тирания, часто давящая и гибельная, не представляет того характера повелительного насилия, узаконенного и формального деспотизма, который отличает авторитет Государства. Она не навязывается, как закон, которому всякий индивид вынужден повиноваться под страхом подвергнуться юридической каре. Ее воздействие мягче, вкрадчивее, незаметнее, но оно более могущественно, чем воздействие авторитета Государства. Общественная тирания господствует над людьми путем обычаев, путем нравов, совокупностью чувств, предрассудков и привычек как в области материальной жизни, так и в сфере ума и сердца и составляет то, что мы называем общественным мнением. Оно окружает человека с рождения, проникает его, пронизывает и образует самую основу его собственного индивидуального существования. Таким образом, каждый является в некотором роде более или менее участником этого насилия против себя самого и очень часто даже не подозревает об этом. Отсюда вытекает, что для того, чтобы восстать против этого влияния, которое общество, естественно, оказывает на него, человек должен, по крайней мере отчасти, восстать против себя самого, ибо со всеми своими материальными, интеллектуальными и моральными задатками и стремлениями он сам есть лишь продукт общества. Отсюда вытекает это безграничное могущественное влияние общества на людей.

С точки зрения абсолютной морали, то есть с точки зрения человеческого уважения — я сейчас скажу, что понимаю под этими словами, — это могущество общества может быть как благотворно, так и зловредно. Оно благотворно, когда стремится к развитию науки, материального процветания, свободы, равенства и братской солидарности людей; оно зловредно, когда имеет противоположные стремления.

Человек, рожденный в обществе скотов, останется сам, за очень редким исключением, скотом; рожденный в обществе, управляемом священниками, он станет идиотом, ханжой; рожденный в шайке воров, он сделается, вероятно, вором; рожденный в буржуазном классе, он будет эксплуататором чужого труда; и если он имел несчастье родиться в обществе полубогов, управляющих этой землей, дворян, принцев, королевских детей, он будет сообразно степени своих способностей, своих средств и своего могущества тираном, презирающим, порабащающим человечество. Во всех этих случаях, даже просто для очеловечения этого индивида, его бунт против общества, в котором он родился, становится необходимым.

Но повторяю, бунт индивида против общества по трудности отличается от его бунта против Государства. Государство есть исторически преходящий институт, временная форма общества, как сама церковь, младшим братом которой оно является; но оно отнюдь не имеет фатального и неподвижного характера общества, которое предшествует всем проявлениям человечности и которое, обладая всей совокупностью всемогущих естественных законов, действий и проявлений, составляет самую основу всякого человеческого существования. Человек, по меньшей мере с того момента как он сделал первый шаг к человечности, как он начал становиться человеческим существом, то есть существом, более или менее говорящим и думающим, родился в обществе, как муравей рождается в своем муравейнике или пчела в своем улье. Он не выбирает его — напротив, он есть продукт его и так же фатально подчинен естественным законам, управляющим его необходимыми проявлениями, как подчиняется и другим естественным законам. Общество одновременно и предшествует и переживает всякого человеческого индивида, как сама природа. Оно вечно, пока будет существовать наша земля. Радикальный бунт против общества был бы, следовательно, так же невозможен для человека, как и бунт против природы, ибо человеческое общество есть в общем не что иное, как последнее великое проявление или творение природы на нашей земле. И индивид, который хотел бы восстать против общества, то есть против природы вообще и в частности против своей собственной природы, поставил бы себя вне всяких условий реального существования, устремившись в ничто, в абсолютную пустоту, в мертвую отвлеченность, в Бога. Следовательно, так же нельзя задавать вопрос о том, добро или зло общество, как невозможно спрашивать, добро или зло природа, всеобщее материальное, действительное, единственное, высшее, абсолютное бытие. Это — нечто большее; это — бесконечный положительный и первоначальный факт, предшествующий всякому сознанию, всякой идее, всякой интеллектуальной и моральной оценке; это — самая основа, это — мир, в котором фатально, хотя и значительно позже развивается для нас то, что мы называем добром и злом.

Не так обстоит дело с Государством. И я не колеблюсь сказать, что государство есть зло, но зло, исторически необходимое, так же необходимое в прошлом, как будет рано или поздно необходимым его полное исчезновение, столь же необходимое, как необходимы были первобытная животность и теологические блуждания людей. Государство отнюдь не есть общество, оно является лишь его исторической формой, столь же грубой, как и отвлеченной. Оно исторически возникло во всех странах из союза насилия, опустошения и грабежа — одним словом, из войны и завоевания, с богами, последовательно созданными теологической фантазией наций. Оно было с самого своего образования и остается еще и теперь божественной санкцией грубой силы и торжествующей несправедливости. Даже в самых демократических странах, как Соединенные Штаты Америки и Швейцария, оно является не чем иным, как освящением привилегии какого-либо меньшинства и фактическим порабощением огромного большинства.

Бунт против государства гораздо легче, потому что в самой природе государства есть нечто провоцирующее на бунт. Государство — это авторитет, это — сила, это — хвастовство

и увлечение силой. Оно не старается привлечь на свою сторону, обратить в свою веру: всякий раз, как оно вмешивается, оно делает это весьма недоброжелательно. Ибо по самой природе своей оно таково, что отнюдь не склонно убеждать, но лишь принуждать и заставлять; как оно ни старается замаскировать свою природу, оно остается легальным насильником воли людей, постоянным отрицанием их свободы. И даже когда оно приказывает что-либо хорошее, оно обесценивает и портит это хорошее потому, что приказывает, и потому, что всякое приказание возбуждает и вызывает справедливые бунты свободы, и потому еще, что добро, раз оно делается по приказу, становится злом с точки зрения истинной морали, человеческой, разумеется, а не божественной, с точки зрения человеческого самоуважения и свободы. Свобода, нравственность и человеческое достоинство заключаются именно в том, что человек делает добро не потому, чтобы кто-либо приказывал ему, но потому, что он сознает, хочет и любит добро.

Что касается общества, то оно формально, официально и авторитарно не принуждает, оно воздействует естественно, и именно поэтому его действие на индивида несравненно более могущественно, чем действие государства. Оно создает и формирует всех индивидов, рождающихся и развивающихся в его недрах. Оно вводит в них медленно, с первого дня их рождения до самой смерти, всю свою собственную материальную, интеллектуальную и моральную природу. Оно, так сказать, индивидуализируется в каждом.

Реальный человеческий индивид есть существо, столь мало универсальное и абстрактное, что каждый с момента своего зарождения во чреве матери оказывается уже имеющим все свои индивидуальные особенности и заранее определенным благодаря множеству материальных, географических, климатических, этнографических, гигиенических и, следовательно, экономических причин и воздействий, составляющих собственно материальную, исключительно присущую его семье, классу, нации, расе природу. И поскольку склонности и влечения людей зависят от совокупности всех внешних или физических влияний, каждый рождается с индивидуальной, материально определенной природой или характером. Более того, благодаря относительно высшей организации человеческого мозга каждый человек, рождаясь, приносит, конечно, в различной степени не врожденные идеи и чувства, как утверждают идеалисты, но способность, в одно и то же время материальную и формальную, чувствовать, думать, говорить и хотеть. Он приносит с собою лишь возможность образовывать и развивать идеи и, как я только что сказал, деятельную чисто формальную силу без всякого содержания. Кто вкладывает в нее первоначальное содержание? Общество.

Здесь не место исследовать, как образовались в первобытных обществах первые представления и первые идеи, из коих большая часть была, разумеется, весьма нелепа. Все, что мы можем сказать с полной уверенностью, — это то, что сперва они не создавались изолированно и спонтанно чудесно просвещенным умом вдохновленных индивидов, но коллективной, чаще всего едва уловимой работой ума всех индивидов, принадлежащих к этим обществам. Выдающиеся, гениальные люди были в состоянии дать лишь наиболее верное или наиболее удачное выражение этой работе, ибо все гениальные люди, подобно Мольеру, «собирали все хорошее повсюду, где находили его». Следовательно, первоначальные идеи были созданы коллективной работой первобытных обществ. Эти идеи сперва были всегда лишь простым, конечно, весьма несовершенным констатированием естественных и общественных фактов и еще менее правильными заключениями, сделанными из этих фактов. Таково было начало всех человеческих представлений, воображений и мыслей. Содержание этих мыслей совсем не было спонтанным созданием человеческого ума и было дано ему первоначально как внешним, так и внутренним действительным миром. Ум человека, то есть работа или чисто органическое и, следовательно, материальное функционирование его мозга, возбужденное как внеш-

ними, так и внутренними впечатлениями, переданными ему его нервами, добавляет этому лишь чисто формальное действие, состоящее в сравнении или сочетании этих впечатлений от вещей и фактов в системы истинные или ложные. Так родились первые идеи. При посредстве слова эти идеи или, скорее, эти первые создания воображения получили более точное и постоянное выражение, передаваясь от одного человеческого индивида к другому. Таким образом, индивидуальные представления каждого сталкивались друг с другом, контролировались, видоизменялись, взаимно дополнялись и, более или менее сливаясь в единую систему, приводили к сформированию общего сознания, коллективной мысли общества.

Эта мысль, передаваемая традицией от одного поколения к другому и все больше развиваемая вековой интеллектуальной работой, составляет интеллектуальное и моральное достояние общества, класса или нации.

Каждое новое поколение находит в своей колыбели целый мир идей, представлений и чувств, которые оно получает как наследие минувших веков. Этот мир сначала не представляется новорожденному человеку в своей идеальной форме, как система представлений и идей, как религия, как доктрина. Дитя не способно ни воспринять, ни понять его в этой форме. Но он навязывается ему как мир фактов, воплощенных и реализованных как в людях, так и во всех вещах, окружающих его с первого дня жизни, говоря его чувствам при помощи всего того, что он слышит и видит. Ибо человеческие идеи и представления были вначале не чем иным, как продуктом действительных фактов, как естественных, так и общественных, в том смысле, что они были их отражением или отзвуком в человеческом мозгу и, так сказать, идеальным и более или менее правильным воспроизведением их при посредстве этого безусловно материального органа человеческой мысли. Позже, будучи хорошо установлены указанным мною образом в коллективном сознании какого-либо общества, они приобретают силу, достаточную, чтобы в свою очередь стать производительными причинами новых фактов, не чисто естественных, но общественных. Они кончают тем, что изменяют и преобразовывают, правда очень медленно, человеческое существование, человеческие обычаи и институты — одним словом, все взаимоотношения людей в обществе, и путем своего воплощения в самых обыденных в жизни каждого вещах они становятся ощутимыми, осязаемыми для всех, даже для детей. Так что каждое новое поколение проникается ими с самого нежного детства, и, когда оно достигает зрелого возраста, когда, собственно, и начинается работа его собственной мысли, необходимо сопутствуемая новой критикой, оно находит в себе самом, точно так же как и в окружающем его обществе, целый мир установленных мыслей или представлений, которые служат ему исходной точкой и дают ему в некотором роде сырье или ткань для его собственной интеллектуальной и моральной работы. Сюда относятся традиционные и обычные представления, созданные воображением, которые метафизики, обманутые тем совершенно нечувствительным и незаметным образом, с каким эти представления, являясь извне, проникают и запечатлеваются в мозгу детей, прежде даже чем дошли до сознания их самих, ошибочно называют врожденными идеями.

Таковы общие или отвлеченные идеи божества и души, идеи совершенно нелепые, но неизбежные, фатальные в историческом развитии человеческого ума, который лишь очень медленно, на протяжении веков, приходя к рациональному и критическому сознанию самого себя и собственных своих проявлений, всегда исходит от нелепости, чтобы прийти к истине, и от рабства, чтобы завоевать свободу. Таковы идеи, освященные на протяжении веков всеобщим невежеством и глупостью, а также хорошо понятыми интересами привилегированных классов, освященные до такой степени, что даже ныне трудно высказаться против них открыто общедоступным языком без того, чтобы не возмутить значительную часть народных масс и не рисковать быть побитым камнями лицемерною буржуазией.

Наряду с этими чисто отвлеченными идеями и всегда в тесной связи с ними подросток находит в обществе и вследствие всемогущего влияния, оказываемого обществом на него в детстве, находит также в самом себе много других представлений или идей, гораздо более определенных, ближе относящихся к действительной жизни человека, к его каждодневному существованию. Таковы представления о природе и о человеке, о справедливости и об обязанностях и правах индивидов и классов, об общественных условностях, о семье, о собственности, о государстве и также многие другие представления, регулирующие взаимные отношения людей. Все эти идеи, которые он, рождаясь на свет, находит воплощенными в вещах и в людях и которые запечатлеваются в его собственном уме благодаря получаемому им воспитанию и образованию, раньше даже, чем он приходит к сознанию самого себя, он потом вновь находит их освященными, разъясненными и прокомментированными теориями, которые выражают всеобщее сознание или коллективный предрассудок, и всеми религиозными, политическими и экономическими институтами общества, к которому он принадлежит. И он до такой степени сам пропитан ими, что, будь он сам заинтересован или не заинтересован в их защите, он является их невольным сообщником благодаря всем своим материальным, интеллектуальным и моральным обычаям.

Чему следует удивляться, так это не всемогущему действию, оказываемому этими идеями, выражающими коллективное сознание общества, на человеческие массы. Напротив, удивительно, что встречаются еще в этих массах индивиды, имеющие мысль, волю и мужество бороться с ними. Ибо давление, оказываемое обществом на индивида, громадно, и нет настолько сильных характеров и столь мощных умов, которые могли бы считать себя свободными от воздействия этого столь же деспотического, как и непреодолимого влияния.

Ничто лучше не доказывает общественный характер человека, чем это влияние. Можно было бы сказать, что коллективное сознание какого-либо общества, воплощенное как в важнейших общественных институтах, так и во всех деталях его частной жизни и служащее основой всем его теориям, образует род окружающей среды, род интеллектуальной и моральной атмосферы, вредной, но абсолютно необходимой для существования всех членов данного общества. Оно господствует над ними, оно в то же время и поддерживает их, связывая их между собой привычными и необходимо определенными ею самыми отношениями, внедряя в каждого сознание безопасности, уверенности и обеспечивая для всех главное условие существования толпы — банальность, общие места и рутину.

Огромное большинство людей, не только в народных массах, но и в привилегированных и просвещенных классах, а часто даже больше, чем в народных массах, чувствуют себя спокойно и благодушно лишь тогда, когда в своих мыслях и во всех своих поступках они строго, слепо следуют традиции и рутине: «Наши отцы думали и делали так, и мы должны думать и делать, как они. Все вокруг нас думает и действует так. Почему бы мы стали думать и действовать иначе, чем все?» Эти слова выражают философию, убеждение и практику девяносто девяти сотых человечества, взятых наудачу во всех классах общества. И как я уже заметил, в этом заключается наибольшая помеха прогрессу и более скорому освобождению человеческого рода.

Каковы причины этой приводящей в отчаяние медлительности, столь близкой к застою, которая, по-моему, составляет наибольшее несчастье человечества? Причин этих очень много. Одна из самых важных, конечно, среди них — это невежество масс. Лишаемые постоянно и систематически всякого научного воспитания благодаря отеческим заботам всех правительств и привилегированных классов, находящих полезным поддерживать в них, сколь возможно, дольше невежество, набожность, веру — три наименования почти одного и того же явления, массы равным образом не знакомы с существованием и употреблением того орудия интел-

лектуального освобождения, которое называется критикой, без которой невозможна полная моральная и социальная революция. Массы, заинтересованные в восстании против установленного порядка вещей, еще привязаны к нему более или менее благодаря религии их отцов, этого провидения привилегированных классов.

Привилегированные классы, не имеющие ныне, что бы они ни говорили, ни набожности, ни веры, привязаны к нему в свою очередь в силу своих политических и социальных интересов. Однако невозможно сказать, чтобы это была единственная причина их страстной привязанности к господствующим идеям. Как ни низко ценю я современный ум и нравственность этих классов, я не могу допустить, чтобы интересы были единственным двигателем их мыслей и их поступков.

Есть, без сомнения, в каждом классе и в каждой партии более или менее многочисленная группа умных, сильных и сознательно недобросовестных эксплуататоров, называемых сильными людьми, свободных от всех интеллектуальных и моральных предрассудков, равно безразличных ко всем убеждениям и пользующихся любым из них в случае надобности, чтобы достичь своей цели. Но эти выдающиеся люди даже в самых испорченных классах всегда составляют лишь ничтожное меньшинство; остальные, как и в самом народе, представляют собою стадо баранов.

Они, естественно, поддаются влиянию своих интересов, которые заставляют их видеть в реакции необходимое условие их существования. Но невозможно допустить, чтобы, творя реакцию, они подчинялись лишь эгоистическому чувству. Громадное большинство людей, даже весьма испорченных, действуя коллективно, не может быть столь извращенным.

Во всяком многочисленном объединении и с еще большим основанием в традиционных, исторических ассоциациях, каковыми являются классы, даже если они дошли до такого момента своего существования, что они становятся абсолютно зловредны или противны интересу и праву всех, есть все же начало нравственности, религии, какие-либо верования, конечно очень мало рациональные, чаще всего смешные и, следовательно, чрезвычайно узкие, но искренние и составляющие необходимое моральное условие их существования.

Общая и основная ошибка всех идеалистов, ошибка, которая, впрочем, вполне логически вытекает из всей их системы, — это искание основы морали в изолированном индивиду, между тем как она заключается — и не может не заключаться — лишь в ассоциированных индивидах. Чтобы доказать это, оценим по достоинству раз навсегда изолированного или абсолютного индивида идеалистов.

Этот человеческий одинокий и отвлеченный индивид есть такая же фикция, как и Бог. Оба они были созданы одновременно верующей фантазией или не размышляющим, экспериментальным и логическим, а лишь полным воображения детским разумом народов вначале, а позже — развитыми, разъясненными и догматизированными теологическими и метафизическими теориями идеалистических мыслителей. Оба, представляя собою абстракции, лишённые всякого содержания и несовместимые с какой бы то ни было реальностью, приводят к Небытию.

Я, полагаю, доказал уже безнравственность фикции Бога; позже, в Приложении, я докажу еще полнее ее нелепость. Теперь я хочу проанализировать столь же безнравственную, как и нелепую, фикцию этого абсолютного или отвлеченного человеческого индивида, которого моралисты идеальной школы берут за основу своих политических и социальных теорий.

Мне нетрудно будет доказать, что человеческий индивид, которого они восхваляют и которого они любят, есть существо глубоко безнравственное. Это олицетворенный эгоизм, существо по преимуществу безнравственное. Раз он одарен бессмертной душой, он бесконечен и самодовлеющ; следовательно, он ни в ком не нуждается, даже в Боге, тем более не нужда-

ется он в других людях. Логически он отнюдь не должен был бы выносить существование равного или высшего индивида, столь же бессмертного и столь же бесконечного или более бессмертного и более бесконечного, чем он сам, рядом с собою или над собою. Он должен быть единственным человеком на земле. Что я говорю! Он должен быть в состоянии назвать себя единственным существом, миром. Ибо бесконечный, встречая что бы то ни было вне себя самого, находит себе предел и уже не бесконечен больше, а две бесконечности, встречаясь, взаимно уничтожают друг друга.

Почему теологи и метафизики, выставяющие себя, между прочим, столь тонкими логиками, совершили и продолжают совершать эту непоследовательность, допуская существование многих одинаково бессмертных, то есть одинаково бесконечных, людей и над ними существование Бога, еще более бессмертного и более бесконечного? Они были вынуждены к этому абсолютной невозможностью отрицать реальное существование, смертность точно так же, как и взаимную независимость миллионов человеческих существ, которые жили и живут на этой земле. Это факт, от которого они при всем своем желании не могут отвлечься. Логически они должны бы заключить из него, что души не бессмертны и что они отнюдь не имеют существования, отдельного от их телесных и смертных оболочек, и что, ограничивая себя и находясь во взаимной зависимости, встречая вне себя самих бесконечность различных объектов, человеческие индивиды, как и все существующее в сем мире, суть преходящие, ограниченные и конечные существа.

Но, признавая это, они должны были бы отказаться от самых основ их идеальных теорий, они должны были бы встать под знамя чистого материализма, или экспериментальной и рациональной науки. К этому их приглашает мощный голос века.

Они остаются глухими к этому голосу. Их природа вдохновленных людей, пророков, доктринеров и священников и их ум, толкаемый тонкой ложью метафизики, привычной к сумеркам идеальных фантазий, возмущаются против откровенных заключений и против яркого дня простой истины.

Они столь боятся его, что предпочитают переносить противоречие, которое сами себе создают этой нелепой фикцией бессмертной души, то есть долгом искать решение в новой нелепости, в фикции Бога. С точки зрения теории Бог в действительности есть не что иное, как последнее убежище и высшее выражение всех нелепостей и противоречий идеализма. В теологии, представляющей детскую и наивную метафизику, он появляется как основа и первопричина нелепости, но в метафизике в собственном смысле слова, то есть в утонченной и рационализированной теологии, он, напротив, составляет последнюю инстанцию и высшее прибежище в том смысле, что все противоречия, кажущиеся неразрешимыми в действительном мире, объясняются в Боге и при посредстве Бога, то есть при посредстве нелепости, облеченной, насколько возможно, рациональной видимостью.

Существование личного Бога и бессмертие души суть две нераздельные фикции, суть два полюса той же абсолютной нелепости, из которых одна вызывает другую и одна тщетно ищет своего объяснения, основания своего существования в другой. Таким образом, для очевидного противоречия, которое имеется между предполагаемой бесконечностью каждого человека и действительным фактом существования многих людей, следовательно, многих бесконечных существ, находящихся одно вне другого, неизбежно ограничивая друг друга; между их смертностью и их бессмертием; между их естественной зависимостью и их абсолютной независимостью одного от другого, идеалисты имеют лишь один ответ: Бог. Если этот ответ ничего вам не объясняет и не удовлетворяет вас, тем хуже для вас. Они не могут дать вам другого.

Фикция бессмертия души и фикция индивидуальной морали, являющаяся ее необходимым последствием, суть отрицание всякой морали. И в этом отношении нужно отдать справед-

ливость теологам, которые, будучи гораздо более последовательными, более логичными, чем метафизики, смело отрицают то, что принято называть ныне независимой моралью, объявляя весьма основательно, что раз принимается бессмертие души и существование Бога, то нужно признать также, что может быть лишь одна мораль, а именно божественный закон, откровение, религиозная мораль, то есть связь бессмертной души с Богом милостью Бога. Помимо этой иррациональной, таинственной, мистичной связи, единственно святой и единственно спасительной, и вне вытекающих из нее последствий для человека всякие другие связи ничтожны. Божественная мораль есть абсолютное отрицание человеческой морали.

Божественная мораль нашла свое прекрасное выражение в христианской максиме: «Возлюби Бога больше, чем самого себя, а ближнего своего, как самого себя», что обязывает к принесению в жертву Богу самого себя и своего ближнего. Допустим пожертвование самого себя — оно может быть сочтено за безумие. Но принесение в жертву ближнего с человеческой точки зрения абсолютно безнравственно. И почему я принуждаюсь к сверхчеловеческой жертве? Ради спасения моей души. Таково последнее слово христианства. Итак, чтобы угодить Богу и спасти свою душу, я должен принести в жертву своего ближнего. Это абсолютнейший эгоизм. Этот эгоизм, не уменьшенный и не уничтоженный, но лишь замаскированный в католицизме, вынужденной коллективностью и авторитарным иерархическим и деспотическим единством Церкви, появляется во всей своей циничной откровенности в протестантстве, в этом своего рода религиозном «спасайся, кто может!».

Метафизики в свою очередь стараются прикрыть этот эгоизм, который есть врожденный и основной принцип всех идеальных доктрин, говоря очень мало, насколько возможно мало об отношениях человека к Богу и много о взаимных отношениях людей. Это совсем не красиво, не откровенно и не логично с их стороны. Ибо раз допускается существование Бога, то является необходимость признать отношения человека с Богом. И должно признать, что перед лицом этих отношений с абсолютным и высшим существом все другие отношения необходимо неискренни. Или Бог не есть Бог, или же его присутствие все поглощает и уничтожает. Но оставим это...

Итак, метафизики ищут мораль в отношениях людей между собою, и в то же время они утверждают, что она есть безусловно индивидуальный факт, божественный закон, вписанный самим Богом в сердце каждого человека независимо от его отношений с другими человеческими существами. Таково непобедимое противоречие, на котором основана теория нравственности идеалистов. Раз, прежде чем я вступил в какие-либо отношения с обществом и, следовательно, независимо от какого бы то ни было влияния общества на меня, я ношу нравственный закон, вписанный заранее самим Богом в мое сердце, то этот нравственный закон необходимо чужд и безразличен, если не враждебен, моему существованию в обществе. Он не может касаться моих отношений с людьми и может определять лишь мои отношения с Богом, как это вполне логично утверждает теология. Что же касается людей, они с точки зрения этого закона мне совершенно чужды. Так как нравственный закон создан и вписан в мое сердце помимо всяких моих отношений с ними, то ему нет до них никакого дела.

Но, скажут мне, этот закон как раз повелевает вам любить людей, как самого себя, ибо они суть вам подобные, и ничего не делать им, чего бы вы не хотели, чтобы было сделано вам самим, — соблюдать в отношении их равенство, одинаковую нравственность, справедливость. На это я отвечу: если правда, что нравственный закон содержит в себе такое повеление, я должен заключить из этого, что он не был создан и не был изолированно написан в моем сердце. Он необходимо предполагает существование, предшествующее моим отношениям с другими людьми, подобными мне, и, следовательно, не создает этих отношений, но, находя их уже естественно установившимися, он лишь регулирует их и является лишь в некотором роде раз-

витым проявлением, объяснением и продуктом их. Отсюда явствует, что нравственный закон есть не индивидуальный, но социальный факт, творение общества.

Если бы было иначе, нравственный закон, вписанный в мое сердце, был бы нелепостью. Он регулировал бы мои отношения с существами, с которыми я не имел никаких отношений и о существовании которых я не подозревал.

На это у метафизиков имеется ответ. Они говорят, что каждый человеческий индивид, рождаясь, приносит с собой закон, вписанный рукой самого Бога в его сердце, но что этот закон находится сперва в скрытом состоянии, лишь в виде возможности, не осуществленной и не проявленной для самого индивида, который не может осуществить его и которому удастся расшифровать его в себе самом, лишь развиваясь в обществе себе подобных, — одним словом, что человек приходил к сознанию этого закона, присущего ему, лишь путем отношений с другими людьми.

Это разъяснение, хотя и не правдоподобное, но вполне приемлемое, приводит нас к доктрине врожденных идей, чувств и принципов. Доктрина эта известна. Человеческая душа, бессмертная и безграничная по своей сущности, но телесно определенная, ограниченная, отягощенная и, так сказать, ослепленная и уничтоженная в своем реальном существовании, содержит в себе все эти вечные и божественные принципы, но без своего ведома, даже совершенно не подозревая сперва о них. Бессмертная, она необходимо должна быть вечной в прошлом, как и в будущем. Ибо, если она имела начало, она неизбежно должна иметь конец и отнюдь не была бы бессмертной. Чем была она, что делала на протяжении всей этой вечности, лежащей позади нее? Одному Богу это известно. Что касается ее самое, она этого не помнит, она не знает. Это великая тайна, полная вопиющих противоречий, и, чтобы разрешить их, нужно прибегнуть к высшему противоречию, к Богу. Во всяком случае она всегда обладает, сама того не подозревая, в какой-то неведомой, таинственной области своего бытия всеми божественными принципами. Но, затерянная в своем земном теле, огрубевшая вследствие грубо материальных условий своего рождения и своего существования на земле, она уже не способна их осознать и даже не в силах вспомнить о них. Это все равно как если бы она их вовсе не имела. Но вот встречается в обществе множество человеческих душ, которые все одинаково бессмертны по своей сущности и все одинаково огрубевшие, приниженные и материализованные в своем реальном существовании. Сначала они до такой степени мало узнают друг друга, что одна материализованная душа пожирает другую. Как известно, людоедство было первым обычаем человеческого рода. Затем, продолжая ожесточенную войну, каждая стремится поработить все другие — это долгий период рабства, период, который еще далеко не закончился и ныне. Ни в людоедстве, ни в рабстве нельзя найти, без сомнения, никаких следов божественных принципов. Но в этой непрестанной борьбе между собой народов и людей заключается история, и именно вследствие бесчисленных страданий, являющихся самым явным результатом ее, души мало-помалу пробуждаются, выходя из своего огрубения, приходя в себя, все больше распознавая себя и углубляясь в свое интимное сущее; вызываемые к тому же и побуждаемые одна другою, они начинают вспоминать себя, сперва предчувствовать, а затем различать и усваивать более отчетливо принципы, которые Бог испокон веков начертал в них собственной рукой.

Это пробуждение и это воспоминание происходят сначала вовсе не в душах, более бесконечных и более бессмертных. Это было бы нелепостью, ибо бесконечность не допускает сравнительных стеснений, так что душа величайшего идиота столь же бесконечна и бессмертна, как и душа величайшего гения.

Оно происходит в душах наименее грубо материализованных и, следовательно, более способных пробудиться и вспомнить себя. Таковы люди гениальные, боговдохновенные, по-

лучившие откровение, законодатели, пророки. Раз эти великие и святые люди, просвещенные и побуждаемые духом, без помощи которого ничто великое и доброе не делается в этом мире обрели в себе самих одну из тех божественных истин, которые каждый человек бессознательно носит в своей душе, людям более грубо материализованным делается, конечно, гораздо легче сделать то же самое открытие в себе самих. Таким-то образом всякая великая истина, все вечные принципы, проявившиеся сперва в истории как божественные откровения, сводятся позднее к истинам, без сомнения божественным, но которые тем не менее каждый может и должен найти в себе самом и признать их как основы своей собственной бесконечной сущности или своей бессмертной души. Этим объясняется, как истина, первоначально открытая одним-единственным человеком, распространяется мало-помалу вовне и создает учеников, сперва малочисленных и обычно преследуемых, как и сам учитель, массами и официальными представителями общества, но, распространяясь все больше и больше по причине этих самых преследований, она кончает тем, что рано или поздно овладевает коллективным сознанием, и после того, как она долго была истиной исключительно индивидуальной, она превращается в конце концов в истину, принятую обществом. Осуществленная, плохо ли, хорошо ли, в общественных и частных институтах общества, она становится законом.

Такова общая теория моралистов метафизической школы. На первый взгляд, я сказал уже, она весьма приемлема и кажется примиряющей самые несогласуемые вещи: Божественное откровение и человеческий разум, бессмертие и абсолютную независимость индивидов с их смертностью и абсолютной зависимостью, индивидуализм с социализмом. Но, исследуя пристальнее эту теорию и ее следствия, нам легко будет признать, что она есть не что иное, как видимое примирение, прикрывающее фальшивой маской рационализма и социализма, старинное торжество божественной нелепости над человеческим разумом и индивидуального эгоизма над социальной солидарностью. В конце концов она приводит к абсолютной изоляции индивидов и, следовательно, к отрицанию всякой морали.

Несмотря на претензии этой теории на чистый рационализм, она начинается с отрицания всякого разума, с нелепости, с фикции бесконечного, затерявшегося в конечном, или с допущения души, многих бессмертных душ, заложенных и заключенных в смертных телах. Чтобы исправить и объяснить эту человечность, эта теория вынуждена прибегать к другой нелепости, по преимуществу к Богу, к своего рода бессмертной, личной, неизменной душе, заложенной и заключенной в преходящем и смертном мире и сохраняющей все же свое всеведение и свое всемогущество. Когда этой теории задают нескромные вопросы, которых она не в состоянии разрешить, ибо нелепость неразрешима и необъяснима, она отвечает страшным словом Бог — таинственным абсолютом, который, совершенно ничего не обозначая или обозначая невозможное, по ее мнению, разрешает и объясняет все. Это ее дело и ее право, ибо потому-то она, наследница и более или менее послушная дочь теологии, и называется метафизикой.

Что подлежит здесь нашему рассмотрению, так это моральные последствия этой теории. Установим прежде всего, что ее мораль, несмотря на свою социалистическую видимость, есть мораль исключительно индивидуалистическая. После этого нам будет нетрудно уже доказать, что при таком своем преобладающем характере она на самом деле является отрицанием всякой морали.

Согласно этой теории, бессмертная и индивидуальная душа каждого человека, бесконечная или абсолютно самодовлеющая по своей сущности и как таковая не имеющая абсолютно никакой потребности в каком-либо существе, ни в отношениях с другими существами для самодополнения, оказывается заключенной и как бы уничтоженной в смертном теле. Находясь в этом состоянии падения, причины которого останутся для нас, без сомнения, навсегда неиз-

вестными, потому что человеческий ум не способен их разрешить и потому что разрешение их заключается единственно в абсолютной тайне — в Боге, и будучи низведенной до этого состояния материальности и абсолютной зависимости от внешнего мира, человеческая душа нуждается в обществе, чтобы пробудиться, чтобы вспомнить себя самое, чтобы вновь обрести сознание себя самой и божественных принципов, от века заложенных в ее недра самим Богом и составляющих ее истинную сущность.

Таковы социалистический характер и социалистическая сторона этой теории. Отношение людей к людям и каждого человеческого индивида ко всем остальным, одним словом общественная жизнь, появляются в ней лишь как необходимое средство развития, как мостик, а не как цель. Абсолютная и конечная цель каждого индивида — это он сам вне других человеческих индивидов, это он сам перед лицом абсолютной индивидуальности, перед Богом. Человек нуждается в людях, чтобы выйти из своего земного принижения, чтобы вновь себя обрести, чтобы вновь схватить свою бессмертную сущность, но как только он обрел ее, черпая отныне свою жизнь лишь в ней одной, он поворачивается к людям спиной и погружается в созерцание мистической нелепости, в обожание своего Бога.

Если он сохраняет еще тогда какие-либо отношения с людьми, то не из нравственной потребности и, следовательно, не из любви к ним, ибо любят лишь того, в ком нуждаются, и того, кто нуждается в вас. Человек же, вновь обретший свою бесконечную и бессмертную сущность, самодовлеющий, не нуждается больше ни в ком; он нуждается лишь в Боге, который в силу тайны, понятной одним метафизикам, кажется обладающим бесконечностью более бесконечной и бессмертием более бессмертным, чем бесконечность и бессмертие людей. Поддерживаемый отныне божественными всеведением и всемогуществом, индивид, сосредоточенный и свободный в самом себе, не может более испытывать потребности в других людях. Следовательно, если он продолжает еще сохранять некоторые отношения с ними, то это может быть лишь по двум основаниям.

Во-первых, потому, что пока он остается отягощенным своим смертным телом, он вынужден есть, укрываться, одеваться и защищаться как от внешней природы, так и от нападений людей, а если он — человек цивилизованный, то он имеет потребность в некотором количестве материальных вещей, которые составляют достаток, комфорт, роскошь, из коих многие, неведомые нашим предкам, ныне считаются всеми предметами первой необходимости. Он мог бы, конечно, следуя примеру святых людей минувших веков, уединиться в какую-либо пещеру и питаться кореньями. Но по-видимому, это больше не по вкусу современным святым, думающим, без сомнения, что материальный комфорт необходим для спасения души. Итак, человек нуждается во всех этих вещах. Но эти вещи могут быть произведены лишь коллективным трудом людей: изолированный труд одного человека был бы не в состоянии произвести даже миллионную их часть.

Отсюда следует, что индивид, обладающий своей бессмертной душой и своей внутренней, независимой от общества свободой, современный святой имеет материальную потребность в этом обществе, с моральной точки зрения не имея в нем ни малейшей потребности.

Но как следует назвать отношения, которые, будучи мотивированы исключительно лишь материальными потребностями, не санкционированы в то же время, не подкреплены какой-либо моральной потребностью? Очевидно, назвать их можно только одним именем: эксплуатация. И в самом деле, в метафизической морали и в буржуазном обществе, как известно опирающемся на эту мораль, каждый индивид неизбежно делается эксплуататором общества, то есть всех; и роль государства в его различных формах — от теократического государства и самой абсолютной монархии до самой демократической республики, основанной на самом

широком всеобщем избирательном праве, — заключается не в чем ином, как в регулировании и гарантировании этой взаимной эксплуатации.

В буржуазном обществе, основанном на метафизической морали, каждый индивид по необходимости или по самой логике своего положения оказывается эксплуататором других, ибо он материально чувствует потребность во всех, морально же — ни в ком. Следовательно, каждый, избегающий общественной солидарности как помехи полной свободе его души, но ищущий ее как необходимого средства для поддержания своего тела, рассматривает общество лишь с точки зрения своей материальной личной пользы и вносит в него, дает ему лишь то, что абсолютно необходимо для того, чтобы иметь не право, но возможность обеспечить для самого себя эту пользу. Каждый рассматривает его, одним словом, как эксплуататор. Но когда все — одинаково эксплуататоры, необходимо должны быть удачники и неудачники, ибо всякая эксплуатация предполагает наличие эксплуатируемых. Есть, следовательно, эксплуататоры, являющиеся таковыми одновременно как в возможности, так и в действительности; и другие, большинство, народ, которые таковы лишь в возможности, лишь по намерениям, но не в действительности. В действительности они — вечно эксплуатируемые. Вот, следовательно, к чему приводит в социальной экономии метафизическая или буржуазная мораль — к беспощадной и непрерывной войне между всеми индивидами, к ожесточенной войне, в которой большинство погибает, чтобы обеспечить торжество и благополучие малого числа.

Вторая причина, могущая привести индивида, достигшего полного обладания самим собой, к сохранению отношений с другими людьми, — это желание угодить Богу и чувство обязанности выполнить его вторую заповедь.

Первая заповедь повелевает любить Бога больше самого себя, и вторая — любить людей, своих ближних, как самого себя, и делать им из любви к Богу всякое добро, которое он желал бы, чтобы делали ему.

Обратите внимание на эти слова: «из любви к Богу». Они полностью выражают характер единственной возможной любви при метафизической морали, состоящей как раз в том, чтобы отнюдь не любить людей ради их самих, по собственной потребности, но лишь чтобы угодить всевышнему господину. Впрочем, так оно и должно быть. Ибо, раз метафизика допускает существование Бога и отношения между человеком и Богом, она должна, как и теология, подчинить им все человеческие отношения. Идея Бога поглощает, разрушает все, что не есть Бог, замещая все человеческие и земные реальности божественными фикциями.

По метафизической морали, как я уже сказал, человек, пришедший к сознанию своей бессмертной души и ее индивидуальной свободы перед Богом и в Боге, не может любить людей, ибо морально он не чувствует более к этому потребности и потому что можно любить, как я еще добавил, лишь того, кто нуждается в вас.

Если верить теологам и метафизикам, первое условие полностью выполнено в отношениях человека с Богом, ибо они утверждают, что человек не может обойтись без Бога. Человек может, следовательно, и должен любить Бога, ибо он так нуждается в нем. Что же касается второго условия — возможности любить лишь того, кто испытывает потребность в этой любви, оно совершенно не выполнено в отношениях человека с Богом.

Было бы нечестиво сказать, что Бог может нуждаться в любви людей. Ибо нуждаться в чем-нибудь — значит испытывать недостаток в чем-либо, необходимом для полноты существования. Это, следовательно, проявление слабости, сознание в собственной бедности. Бог, абсолютно самодовлеющий, не может нуждаться ни в ком и ни в чем. Не имея никакой потребности в любви людей, он не может любить их. И то, что называют его любовью к людям, есть не что иное, как абсолютный гнет, подобный, но, конечно, еще более чудовищный, чем

тот, который всемогущий император Германии оказывает ныне на всех своих подданных. Любовь людей к Богу также весьма сходна с той, которую испытывают немцы к этому монарху, ставшему ныне столь могущественным, что после Бога мы не знаем большего могущества, чем его.

Истинная, реальная любовь, выражение взаимной и равной любви, может существовать лишь между равными. Любовь высшего к низшему есть гнет, подавление, презрение, эгоизм, гордость, тщеславие, торжествующее в чувстве величия, основанного на унижении другого. Любовь низшего к высшему — это унижение, страхи и надежды раба, ждущего от своего господина то счастья, то несчастья.

Таков характер так называемой любви Бога к людям и людей к Богу. Это — деспотизм одного и рабство других.

Что же означают эти слова: любить людей и делать им добро из любви к Богу? Это значит обращаться с ними, как Бог этого хочет. А как хочет он, чтобы с ними обращались? Как с рабами.

Бог, по природе своей, вынужден обращаться с ними следующим образом. Будучи сам абсолютным Господином, он вынужден рассматривать их как совершенных рабов. Рассматривая их как таковых, он не может не обращаться с ними, как с таковыми. Чтобы освободить их, есть лишь одно средство: это самоотречение, самоуничтожение, исчезновение. Но это было бы уже слишком много требовать от его всемогущества. Он еще может, чтобы примирить странную любовь, которую он чувствует к людям, со своей справедливостью, не менее своеобразною, принести в жертву своего единственного сына, как нам рассказывает Евангелие; но отречься, покончить самоубийством из любви к людям — этого он не сделает никогда, по крайней мере если не будет вынужден к этому научной критикой. Пока доверчивая фантазия людей позволит ему существовать, он всегда будет абсолютным сувереном, властителем рабов. Следовательно, очевидно, что обращение с людьми по-божески может означать лишь обращение с ними как с рабами.

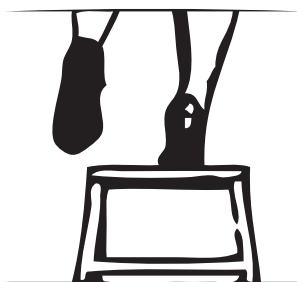
Любовь людей по-божески — это любовь раба. Я, Божьей милостью бессмертный и целостный индивид, чувствующий себя свободным именно потому, что я раб Бога, я не нуждаюсь ни в каком человеке, чтобы сделать более полными мое счастье и мое материальное и моральное существование, но я сохраняю мои отношения с ними, чтобы повиноваться Богу, и, любя из любви к Богу, обращаясь с ними по-божески, я хочу, чтобы они были рабами Бога, как я сам. Следовательно, если всевышнему Господину угодно избрать меня, чтобы осуществлять на земле его святую волю, я сумею заставить их быть рабами. Таков истинный характер того, что искренние и серьезные обожатели Бога называют своей любовью к людям. Это — не столько самоотверженность тех, кто любит, сколько вынужденная жертва выступающих объектами или, скорее, жертвами этой любви. Это не освобождение их, это — их порабощение для вящей славы Бога. И таким-то образом божественный авторитет превращается в авторитет человеческий, и Церковь создает Государство.

Согласно теории, все люди должны служить Богу именно таким образом, но, как известно, много званых, но мало избранных. И к тому же, если бы все равным образом были способны выполнить эту службу, то есть если бы все пришли к той же ступени интеллектуального и морального совершенства, святости и свободы в Боге, это самое служение сделалось бы ненужным. Если это необходимо, так лишь потому, что огромное большинство человеческих индивидов не дошло до такой степени; отсюда следует, что эту массу, еще невежественную и грубую, следует любить и обращаться с ней по-божески, то есть она должна управляться и порабощаться меньшинством святых, которых тем или иным способом Бог никогда не преминет

сам выбрать и поставить в привилегированное положение, которое позволит им выполнить этот долг. [...]

После того как я показал, как идеализм, исходя из нелепых идей Бога, бессмертия душ, первобытной свободы индивидов и их нравственности, независимых от общества, приводит фатальным образом к освящению рабства и безнравственности, я должен показать теперь, как действительная наука — материализм и социализм (это второе выражение, впрочем, есть лишь правильное и полное развитие первого именно потому, что они принимают за исходную точку материальную природу, естественное и первобытное рабство людей, и потому, что они тем самым обязывают себя искать освобождения людей не вне, но в самых недрах общества, не вопреки ему, но через него) — должна точно так же необходимо прийти к установлению самой широкой свободы индивидов и человеческой нравственности.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Михаил Бакунин
Бог и государство
1882-1895

Скопировано 12 декабря 2014 года с <http://avtonom.org/old/print.php?nid=978> и
<http://avtonom.org/old/index.php?nid=980>

ru.theanarchistlibrary.org